

## В стране вечных каникул

### Аннотация

Наверное, многие школьники мечтали о том, чтобы их больше не заставляли вставать рано утром и собираться на занятия. Главный герой сказки «В стране вечных каникул» – не исключение. Больше всего на свете этот мальчишка любит веселиться и есть сладости. А однажды он пришел на новогоднюю елку и попросил Дедушку Мороза освободить его от необходимости ходить в школу. Желание-то исполнилось, вот только все оказалось совсем не таким, каким рисовалось в мечтах...

В стране вечных каникул А. Алексина ребятам предстоит пережить захватывающие приключения вместе с местными жителями каникулярами и каникулярками, вдоволь повеселиться, наесться конфет до отвала. А под конец - осознать, что неправильно думать только об отдыхе и развлечениях. Нужно учиться, не лениться, заниматься спортом, иначе придется пожалеть о бесцельно прожитом времени, как это произошло с мальчишкой из сказки. Предлагаем читать «В стране вечных каникул» прямо сейчас!

### Пока ещё не началась сказка...

Эту дорогу я знаю наизусть, как любимое стихотворение, которое никогда не заучивал, но которое само запомнилось на всю жизнь. Я мог бы идти по ней зажмурившись, если бы по тротуарам не спешили пешеходы, а по мостовой не мчались автомашины и троллейбусы...

Иногда по утрам я выхожу из дому вместе с ребятами, которые в ранние часы бегут той самой дорогой. Мне кажется, что вот-вот сейчас из окна высунется мама и крикнет мне вдогонку с четвёртого этажа: «Ты забыл на столе свой завтрак!» Но теперь я уже редко что-нибудь забываю, а если бы и забыл, не очень-то прилично было бы догонять меня криком с четвёртого этажа: ведь я уже давно не школьник.

Помню, однажды мы с моим лучшим другом Валериком сосчитали зачем-то количество шагов от дома до школы. Теперь я делаю меньше шагов: ноги у меня стали длиннее. Но путь продолжается дольше, потому что я уже не могу, как раньше, мчаться сломя голову. С возрастом люди вообще чуть-чуть замедляют шаги, и чем человек старше, тем меньше ему хочется торопиться.

Я уже сказал, что часто по утрам иду вместе с ребятами дорогой моего детства. Я заглядываю в лица мальчишкам и девчонкам. Они удивляются: «Вы кого-нибудь потеряли?» А я и в самом деле потерял то, что уже невозможно найти, отыскать, но и забыть тоже невозможно: свои школьные годы.

Впрочем, нет... Они не стали только воспоминанием – они живут во мне. Хотите, они заговорят? И расскажут вам много разных историй?... Или лучше одну историю, но такую, какая, я уверен, не случалась ни с кем из вас никогда!

### САМЫЙ НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПРИЗ

В ту далекую пору, о которой пойдет речь, я очень любил... отдыхать. И хотя к двенадцати годам я вряд ли успел от чего-нибудь слишком уж сильно устать, но я мечтал, чтобы в календаре все поменялось: пусть в дни, которые сверкают красной краской (этих дней в календаре так немного!), все ходят в школу, а в дни, которые отмечены обыкновенной черной краской, развлекаются и

отдыхают. И тогда можно будет с полным основанием сказать, мечтал я, что посещение школьных занятий – это для нас настоящий праздник!

На уроках я до того часто надоедал Мишке-будильнику (отец подарил ему огромные старые часы, которые тяжело было носить на руке), что Мишка сказал однажды:

– Не спрашивай меня больше, сколько осталось до звонка: каждые пятнадцать минут я буду понарошку чихать.

Так он и делал.

Все в классе решили, что у Мишки «хроническая простуда», а учительница даже принесла ему какой-то рецепт. Тогда он перестал чихать и перешел на кашель: от кашля ребята все же не так сильно вздрагивали, как от оглушительного Мишкиного «апчхи!».

За долгие месяцы летних каникул многие ребята просто уставали отдыхать, но я не уставал. С первого сентября я уже начинал подсчитывать, сколько дней осталось до зимних каникул. Эти каникулы нравились мне больше других: они, хоть и были короче летних, но зато приносили с собой елочные праздники с Дедами-Морозами, Снегурочками и нарядными подарочными пакетами. А в пакетах были столь любимые мною в ту пору пастила, шоколад и пряники. Если б мне разрешили есть их три раза в день, вместо завтрака, обеда и ужина, я согласился бы сразу, не задумываясь ни на одну минуту!

Задолго до праздника я составлял точный список всех наших родственников и знакомых, которые могли достать билеты на Елку. Дней за десять до первого января я начинал звонить.

– С Новым годом! С новым счастьем! – говорил я двадцатого декабря.

– Уж очень ты рано поздравляешь, – удивлялись взрослые.

Но я-то знал, когда надо поздравлять: ведь билеты на Елку везде распределялись заранее.

– Ну, а как ты заканчиваешь вторую четверть? – неизменно интересовались родные и знакомые.

– Неудобно как-то говорить о самом себе... – повторял я фразу, услышанную однажды от папы.

Из этой фразы взрослые почему-то немедленно делали вывод, что я – круглый отличник, и завершали нашу беседу словами:

– Надо бы тебе достать билет на Елку! Как говорится, кончил дело – гуляй смело!

Это было как раз то, что нужно: гулять я очень любил!

Но вообще-то мне хотелось немного изменить эту известную русскую поговорку – отбросить два первых слова и оставить только два последних: «Гуляй смело!»

Ребята в нашем классе мечтали о разном: строить самолеты (которые тогда еще называли аэропланами), водить по морям корабли, быть шоферами, пожарниками и вагоновожатыми... И только я один мечтал стать массовиком. Мне казалось, что нет ничего приятней этой профессии: с утра до вечера веселиться самому и веселить других! Правда, все ребята открыто говорили о своих мечтах и даже писали о них в сочинениях по литературе, а я о своем заветном желании почему-то умалчивал. Когда же меня в упор спрашивали: «Кем ты хочешь стать в будущем?» – я каждый раз отвечал по-разному: то летчиком, то геологом, то врачом. Но на самом деле я все-таки мечтал стать массовиком!

Мама и папа очень много размышляли о том, как меня правильно воспитывать. Я любил слушать их споры на эту тему. Мама считала, что «главное – это книги и школа», а папа неизменно

напоминал, что именно физический труд сделал из обезьяны человека и что поэтому я прежде всего должен помогать взрослым дома, во дворе, на улице, на бульваре и вообще всюду и везде. Я с ужасом думал, что, если когда-нибудь мои родители наконец договорятся между собой, я пропал: тогда мне придется учиться только на пятерки, с утра до вечера читать книги, мыть посуду, натирать полы, бегать по магазинам и помогать всем, кто старше меня, таскать по улицам сумки. А в то время почти все в мире были старше меня...

Итак, мама и папа спорили, а я не подчинялся кому-нибудь одному, чтобы не обидеть другого, и делал все так, как хотел сам.

Накануне зимних каникул беседы о моем воспитании разгорались особенно жарко. Мама утверждала, что размеры моего веселья должны находиться в «прямой пропорциональной зависимости от отметок в дневнике», а папа говорил, что веселье должно быть в такой же точно зависимости от моих «трудовых успехов». Поспорив между собой, оба они приносили мне по билету на елочные представления.

Вот с одного такого представления все и началось...

Я хорошо запомнил тот день – последний день зимних каникул. Мои друзья уже просто рвались в школу, а я не рвался... И хотя из Елок, на которых я побывал, вполне можно было бы образовать небольшой хвойный лесок, я пошел на очередной утренник – в Дом культуры медицинских работников. Медицинским работником была сестра мужа маминой сестры; и хотя ни раньше, ни сейчас я бы не мог точно сказать, кем она мне приходится, билет на медицинскую Елку я получил.

Войдя в вестибюль, я поднял голову и увидел плакат: ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ БОРЬБЫ ЗА ДОЛГОЛЕТИЕ!

А в фойе висели диаграммы, показывающие, как было написано, «рост снижения смертности в нашей стране». Диаграммы были весело обрамлены разноцветными лампочками, флажками и мохнатыми хвойными гирляндами.

Меня тогда, помнится, очень удивило, что кого-то серьезно занимают «проблемы борьбы за долголетие»: я не представлял себе, что моя жизнь может когда-нибудь кончиться. А мой возраст приносил мне огорчения только тем, что был слишком мал. Если незнакомые люди интересовались, сколько мне лет, я говорил, что тринадцать, потихоньку накидывая годик. Сейчас я уже ничего не прибавляю и не убавляю. А «проблемы борьбы за долголетие» не кажутся мне уж столь непонятными и ненужными, как тогда, много лет назад, на детском утреннике...

Среди диаграмм, на фанерных щитах, были написаны разные советы, необходимые людям, которые хотят подольше прожить. Я запомнил лишь совет о том, что надо, оказывается, поменьше сидеть на одном месте и побольше двигаться. Я запомнил его для того, чтобы пересказать своим родителям, которые то и дело повторяли: «Хватит тебе носиться по двору! Хоть бы посидел немножко на одном месте!» А сидеть-то, оказывается, как раз и не нужно! Потом я прочитал большой лозунг: «Жизнь есть движение!» – и помчался в большой зал, чтобы принять участие в велосипедных гонках. В тот миг я, конечно, не мог предположить, что это спортивное соревнование сыграет совершенно неожиданную роль в моей жизни.

Нужно было сделать три стремительных круга на двухколесном велосипеде по краю зрительного зала, из которого были убраны все стулья. И хотя старики редко бывают спортивными судьями, но тут судьей был Дед Мороз. Он стоял, словно на стадионе, с секундомером в руке и засекал время каждого гонщика. Точней сказать, он держал секундомер в нарядных серебристо-белых рукавицах. И весь был нарядный, торжественный: в тяжелой красной шубе, прошитой золотыми и

серебряными нитками, в высокой красной шапке с белоснежным верхом и с бородой, как полагается, до самого пояса.

Обычно везде, и даже на праздничных утренниках, у каждого из моих друзей было какое-то свое особое увлечение: один любил скатываться вниз с деревянной горки – и делал это столько раз подряд, что за несколько часов успевал протереть штаны; другой не вылезал из кинозала, а третий стрелял в тире до тех пор, пока ему не напоминали, что и другие тоже хотят пострелять. Я успевал испытать все удовольствия, на которые давал право пригласительный билет: и съехать с горки, и промахнуться в тире, и выловить металлическую рыбку из аквариума, и покружиться на карусели, и разучить песню, которую все уже давно знали наизусть.

Поэтому на велосипедные гонки я явился немного утомленным – не в лучшей форме, как говорят спортсмены. Но когда я услышал, как Дед Мороз громко провозгласил: «Победитель получит самый необычайный приз за всю историю новогодних елок!» – силы ко мне вернулись и я почувствовал себя абсолютно готовым к борьбе.

До меня по залу пронеслись девять юных гонщиков, и время каждого было громогласно, на весь зал, объявлено Дедом-Морозом.

– Десятый – и последний! – объявил Дед Мороз.

Его помощник – массовик дядя Гоша подкатил ко мне облезлый двухколесный велосипед. До сих пор я помню все: и что верхняя крышечка звонка была оторвана, и что на раме облупилась зеленая краска, и что в переднем колесе не хватало спиц.

– Старый, но боевой конь! – сказал дядя Гоша.

Дед Мороз выстрелил из самого настоящего стартового пистолета – и я нажал на педали...

Катался я на велосипеде не очень хорошо, но в моих ушах все время звучали слова Деда-Мороза: «Самый необычайный приз за всю историю новогодних елок!»

Эти слова подгоняли меня: ведь, пожалуй, никто из участников этого соревнования не любил получать подарки и призы так сильно, как любил я! И к «самому необычайному призу» я примчался быстрее всех остальных. Дед Мороз взял мою руку, которая утонула в его рукавице, и высоко поднял ее, как поднимают руки победителей боксерских соревнований.

– Объявляю победителя! – произнес он так громко, что услышали все дети медицинских работников во всех залах Дома Культуры.

Сразу же рядом появился массовик дядя Гоша и своим вечно радостным голосом воскликнул:

– Давайте поприветствуем, ребята! Давайте поприветствуем нашего рекордсмена!

Он захлопал, как всегда, так настоятельно, что сразу же потянул за собой аплодисменты со всех концов зала. Дед Мороз взмахнул рукой и установил тишину:

– Я не только объявляю победителя, но и награждаю его!

– Чем?.. – нетерпеливо поинтересовался я.

– О, ты даже представить себе не можешь!

В голосе Деда-Мороза мне почудилось что-то странное: он говорил как волшебник, уверенный, что может сделать необычайное, сотворить чудо – и поразить всех! И я не ошибся...

– В сказках чародеи и волшебники просят обычно задумать три заветных желания, – продолжал Дед Мороз. – Но мне кажется, что это слишком много. Ты же установил велосипедный рекорд

только один раз, и я выполню одно твое желание! Но зато – любое!.. Подумай хорошенько, не торопись.

Я понял, что такой случай представляется мне первый и последний раз в жизни. Я мог попросить, чтобы мой лучший друг Валерик остался моим лучшим другом навсегда, на всю мою жизнь! Я мог попросить, чтобы контрольные работы и домашние задания учителей выполнялись сами собой, без всякого моего участия. Я мог попросить, чтобы папа не заставлял меня бегать за хлебом и мыть посуду! Я мог попросить, чтобы вообще эта посуда мылась сама собой или никогда не пачкалась. Я мог попросить...

Одним словом, я мог попросить все что угодно. И если бы я знал, как в дальнейшем сложится моя жизнь и жизнь моих друзей, я бы, наверно, попросил о чем-нибудь очень важном для себя и для них. Но в тот момент я не мог заглянуть вперед, сквозь годы, а мог только поднять голову – и увидеть то, что было вокруг сияющую елку, сияющие игрушки и вечно сияющее лицо массовика дяди Гоши.

– Чего же ты хочешь? – спросил Дед Мороз.

И я ответил.

– Пусть всегда будет Елка! И пусть никогда не кончатся эти каникулы!..

– Ты хочешь, чтобы всегда было так же, как сегодня?

Как на этой Елке? И чтобы никогда не кончались каникулы?

– Да. И чтобы все меня развлекали...

Последняя моя фраза звучала не очень хорошо, но я подумал: «Если он сделает так, чтобы все меня развлекали, тогда, значит, и мама, и папа, и даже учителя должны будут доставлять мне одни только удовольствия. Не говоря уже обо всех остальных...»

Дед Мороз ничуть не удивился:

– Хорошо, эти желания вполне можно посчитать за одно. Я сделаю так, чтобы каникулы и развлечения для тебя никогда не кончались!

– И для Валерика тоже! – поспешно добавил я.

– Кто это... Валерик? – спросил Дед Мороз.

– Мой лучший друг!

– А может быть, он вовсе не хочет, чтобы эти каникулы длились вечно? Он об этом меня не просил.

– Я сейчас сбегая вниз... Позвоню ему из автомата и узнаю: хочет он или нет.

– Если ты еще вдобавок попросишь у меня деньги на автомат, то это и будет считаться исполнением твоего желания: ведь оно может быть только одно! – сказал Дед Мороз. – Хотя... скажу тебе по секрету: я теперь должен выполнять и другие твои просьбы!

– Почему?

– О, не торопись! Со временем узнаешь! Но эту просьбу я выполнить не могу: твой лучший друг не участвовал в велосипедных гонках и не завоевал первого места. За что же я должен награждать его самым необычайным призом?

Я не стал спорить с Дедом-Морозом: с волшебником спорить не полагается.

К тому же я решил, что мой лучший друг Валерик – гипнотизер и правда не захочет, чтобы каникулы никогда не кончались...

Почему гипнотизер? Сейчас расскажу вам...

Однажды в пионерлагере, где мы летом были с Валериком, вместо киносеанса устроили «сеанс массового гипноза».

– Спать! Спать! Спать!.. – замогильным голосом произносил со сцены бледный гипнотизер.

– Это какое-то шарлатанство! – на весь зал воскликнула старшая пионервожатая. И первая в зале уснула...

А потом уснули и все остальные. Только один Валерик продолжал бодрствовать. Тогда гипнотизер разбудил нас всех и объявил, что у Валерика очень сильная воля, что он сам, если захочет, сможет диктовать эту свою волю другим и, наверно, при желании сумеет сам стать гипнотизером, дрессировщиком и укротителем. Все очень удивились, потому что Валерик был невысоким, худеньким, бледным и даже в лагере летом совсем не загорел.

Я, помню, решил немедленно использовать могучую волю Валерика в своих интересах.

– Мне сегодня нужно учить теоремы по геометрии, потому что завтра меня могут вызвать к доске, – сказал я ему в один из первых дней нового учебного года. – А мне очень хочется идти на футбол... Продиктуй мне свою волю: чтобы сразу расхотелось идти на стадион и захотелось зубрить геометрию!

– Пожалуйста, – сказал Валерик. – Попробуем. Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха!

И начал диктовать мне свою волю... Но через полчаса я все равно отправная на футбол. А на другой день, сказал своему лучшему другу:

– Я не поддался гипнозу – значит, и у меня тоже сильная воля?

– Сомневаюсь, – ответил Валерик.

– Ага, если ты не поддаешься, то это из-за сильной юли, а если я не поддаюсь, то это ничего не значит? Да?

– Извини, пожалуйста... Но, по-моему, это так.

– Ах, это так? А может быть, и ты вовсе никакой не гипнотизер? И не дрессировщик? Вот докажи мне свою силу: усыпи сегодня на уроке нашу учительницу, чтобы она не смогла меня вызвать к доске.

– Извини... Но если я начну ее усыплять, могут уснуть и все остальные.

– Понятно. Тогда просто продиктуй ей свою волю: пусть она оставит меня в покое! Хотя бы на сегодняшний день...

– Хорошо, постараюсь.

И он постарался... Учительница раскрыла журнал и сразу же назвала мою фамилию, но потом подумала немного и сказала:

– Нет... пожалуй, сиди на месте. Лучше послушаем сегодня Парфенова.

Мишка-будильник поплелся к доске. А я с того самого дня твердо поверил, что мой лучший друг – настоящий укротитель и гипнотизер.

Сейчас Валерик уже не живет в нашем городе... А мне все кажется, что вот-вот раздадутся три торопливых, словно догоняющих друг друга, звонка (так всегда звонил только он!). А летом я вдруг ни с того ни с сего высовываюсь в окно: мне кажется, что со двора меня, как прежде, зовет негромкий Валеркин голос: «Эй, иностранец!.. Петька-иностранец!» Не удивляйтесь, пожалуйста: так меня звал Валерик, а почему – в свое время узнаете.

С годами я стал замечать, что дружба очень часто связывает людей с разными и даже противоположными характерами. Сильный хочет поддержать бесхарактерного, словно бы поделиться с ним своей волей и мужеством; добрый хочет отогреть чье-то холодное, черствое сердце; настойчивый хочет заразить своим упорством легкомысленного и увлечь его за собой...

Валерик тоже пытался вести меня за собой, но я то и дело терял его след и сбивался с дороги. Ведь это он, к примеру, заставил меня заниматься в школе общественной работой: быть членом санитарного кружка. В те предвоенные годы часто объявлялись учебные воздушные тревоги.

Члены нашего кружка надевали противогазы, выбегали с носилками во двор и оказывали первую помощь «пострадавшим». Я очень любил быть «пострадавшим»: меня заботливо укладывали на носилки и тащили по лестнице на третий этаж, где был санитарный пункт.

Мне тогда и в голову не приходило, что скоро, очень скоро нам придется услышать сирены настоящей, не учебной тревоги, и дежурить на крыше своей школы, и сбрасывать оттуда фашистские зажигалки. Я и представить себе не мог, что мой город когда-нибудь оглушат разрывы фугасных бомб...

Я не знал обо всем этом в тот день, на сверкающем Елочном празднике: ведь сети бы мы обо всех бедах узнавали заранее, тогда вообще не могло бы быть на свете никаких праздников.

Дед Мороз торжественно объявил:

– Выполняю твое желание: ты получишь путевку в Страну Вечных Каникул!

Я быстро протянул руку. Но Дед Мороз опустил ее:

– В сказке путевок на руки не выдают! И пропусков не выписывают. Все произойдет само собой. С завтрашнего утра ты очутишься в Стране Вечных Каникул!

– А почему не сегодня? – нетерпеливо спросил я.

– Потому что сегодня ты можешь отдыхать и развлекаться без всякой помощи волшебной силы: каникулы ведь еще не кончились. Но завтра все пойдут в школу, а для тебя каникулы будут продолжаться!..

## **ТРОЛЛЕЙБУС ИДЕТ «В РЕМОНТ»**

На следующий день чудеса начались прямо с утра: не зазвонил будильник, который я накануне завел и, как всегда, поставил на стуле возле кровати.

Но я все равно проснулся. Вернее сказать, я не спал с самой полуночи, ожидая своего предстоящего отъезда в Страну Вечных Каникул. Но никто оттуда за мной не приезжал... Просто вдруг промолчал будильник. А потом ко мне подошел папа и строго произнес:

– Немедленно перевернись на другой бок, Петр! И продолжай спать!..

Это сказал папа, который был за «беспощадное трудовое воспитание», который всегда требовал, чтобы я вставал раньше всех и чтобы не мама готовила мне утренний завтрак, а я сам готовил завтрак для себя и для всей нашей семьи.

А потом мама грозно добавила:

– Не вздумай, Петр, пойти в школу. Смотри у меня!

И это сказала мама, которая считала, что «каждый день, проведенный в школе, – крутая ступенька вверх».

Как-то однажды я для интереса подсчитал все дни, проведенные мною в школе, начиная с первого класса...

Получилось, что по этим маминым ступенькам я забрался уже очень высоко. Так высоко, что мне все, абсолютно все должно было быть видно и все на свете понятно.

Обычно по утрам Валерик, который жил этажом выше, сбегая вниз, давал три торопливых звонка в нашу дверь. Он не дожидался, пока я выйду на лестницу, он продолжал мчаться вниз, а я догонял его уже на улице. В то утро Валерик не позвонил...

Чудеса продолжались.

Все, словно заколдованные Дедом-Морозом, пытались удержать меня дома, не пустить в школу.

Но как только родители ушли на работу, я вскочил с кровати и заторопился...

«Вот, может быть, выйду сейчас, а у подъезда меня поджидает какое-нибудь сказочное средство передвижения! – мечтал я. – Нет, не ковер-самолет: всюду пишут, что он для новых сказок уже устарел. А какая-нибудь ракета или гоночный автомобиль! И унесут они меня... И все ребята это увидят!»

Но у подъезда стояло только старое грузовое такси, из которого выгружали мебель. Не на нем же мне предстояло унести в сказочную страну!

Я пошел к школе той самой дорогой, по которой мог бы идти зажмурившись... Но я не зажмуривался – я глядел по сторонам во все глаза, ожидая, что вот-вот ко мне подкатит что-нибудь такое, перед чем весь наш городской транспорт просто замрет от изумления.

Вид у меня, вероятно, был очень странный, но никто из ребят ни о чем не спрашивал. Они вообще не замечали меня.

И в этом тоже было что-то новое и непонятное. Тем более, что в тот первый день после зимних каникул все должны были просто завалить меня вопросами: «Ну, сколько раз был на Елках? Раз двадцать успел? А сколько ты съел подарков?..»

Но в то утро никто не шутил. «Не узнают они меня, что ли?» – подумал я. На миг мне стало обидно, что они вроде бы отделили меня от себя, – захотелось вместе с ними дойти до школы, войти в класс... Но я уже входил туда много лет подряд, а в Стране Вечных Каникул я еще не был ни разу! И я снова стал оглядываться и прислушиваться: не шуршит ли шинами, еле касаясь асфальта, гоночный автомобиль? Не спускается ли воздушный корабль, летающий по маршруту «Земля – Страна Вечных Каникул»?

На перекрестке, возле светофора, стояло много разных машин, но среди них не было ни одного гоночного автомобиля и ни одного воздушного корабля...

Мне нужно было пересечь улицу и затем свернуть в переулок налево.

Я уже шагнул на мостовую, стараясь ступать как можно легче: если меня вдруг подхватит какая-нибудь волшебная сила, пусть ей будет не очень трудно оторвать меня от земли! И вдруг услышал над самым своим ухом свисток. «Ага, предупреждающий сигнал!» – обрадовался я. Обернулся – и увидел милиционера.



Высунувшись по самый пояс из своего «стакана», он кричал:

– Не туда идешь! Заблудился, что ли? Остановка направо!

– Какая остановка?

Но уже в следующее мгновение я понял, что милиционер – это переодетый в синюю форму посланец Деда-Мороза. Волшебной палочкой, перевоплотившейся в полосатый милицейский жезл, он, конечно, указывал мне будущую остановку или, вернее сказать, посадочную площадку того самого... что должно было прилететь за мной и умчаться в Страну Вечных Каникул.

Я быстро пошел к столбу, возле которого, как у мачты с флагом (полотнище заменял прямоугольный плакатик – «Остановка троллейбуса»), выстроилась довольно-таки длинная очередь.

И прямо тут же, словно еле-еле дождавшись моего прихода, подкатил троллейбус, у которого впереди и на боку вместо номера было написано: «В ремонт!» Он был пустой, только в кабине склонился над своей огромной баранкой водитель, и сзади, возле слегка подмороженного окна, подпрыгивала на своем служебном месте, как всегда спиной к тротуару, кондукторша в платке. В те годы людям доверяли не так сильно, как сейчас, и троллейбусов без кондуктора еще не было.

Когда пустой троллейбус остановился и раздвинулись задние дверки-гармошки, кондукторша высунулась и обратилась не к очереди, а лично ко мне (ко мне одному!):

– Садись, дорогой! Добро пожаловать!

Я изумленно отшатнулся в сторону: никогда я еще не слышал, чтобы кондукторша так разговаривала с пассажирами.

– Сейчас не моя очередь, – сказал я.

– А им с тобой не по дороге! – Кондукторша указала на людей, выстроившихся возле столба. – У них – другой маршрут.

– Но мне не нужно «в ремонт»...

Конечно, кондукторша эта была не просто кондукторшей, потому что очередь не произнесла ни звука и потому что под ее взглядом я все-таки покорно залез в пустой троллейбус. Двери-гармошки с легким стуком захлопнулись за моей спиной.

– Но ведь он же идет... в ремонт, – повторил я, обводя лазами пустой вагон, – А мне – в Страну Вечных Каникул...

– Не тревожься, хороший ты мой!

С доброй кондукторшей, как и с Дедом-Морозом, как и с милиционером, высунувшимся из «стакана», спорить было бесполезно: они знали все лучше меня!

«Если бы все кондукторши были такими ласковыми, как эта, – думал я, – люди бы просто не вылезали из трамваев и троллейбусов! Так бы и катались целый день по городу!»

У кондукторши на ремне болталась сумка с билетами. Я стал шарить в кармане брюк, где лежали деньги на завтрак.

– Если ты заплатишь и возьмешь билет, – строго предупредила кондукторша, – контролер оштрафует тебя!

Все было наоборот! Все было как в сказке! Или вернее сказать: все было в сказке. В самой настоящей!..

Хоть я ехал в Страну Вечных Каникул не в быстроходном автомобиле и не на воздушном корабле, но зато бесплатно и один в целом троллейбусе! Я сел на заднее сиденье, поближе к дверям-гармошкам.

– Тебя не трясет? – заботливо спросила кондукторша. – Ты ведь можешь сидеть где угодно: хоть впереди, хоть на моем кондукторском сиденье! Для этого тебе и подали отдельный троллейбус!

– Я люблю немного потрястись, – ответил я. – Так приятно подскакивать на одном месте!..

– Лишь бы тебе это доставляло удовольствие! – сказала кондукторша.

И я остался на своем заднем сиденье: мне было как-то неловко разгуливать по троллейбусу и пересаживаться с места на место.

– Первая остановка – твоя! – предупредила кондукторша.

Пустой троллейбус по-стариковски дергался и трясся сильнее, чем всегда, но мне казалось, однако, что все в нем было исправно, и непонятно было, зачем он катил «в ремонт». Вскоре он притормозил, остановился.

– До свидания, милый! – сказала кондукторша.

Я спрыгнул на тротуар. И увидел прямо перед собой Дом культуры медицинских работников. О чудо! На нем тоже висели дощечки со словом «Ремонт». Но не было ни строительных лесов, ни мусора, без которых не может быть никакого настоящего ремонта.

«Должно быть, это просто такой пароль», – решил я.

И, когда навстречу мне из дверей Дома культуры неожиданно выскочил массовик дядя Гоша, я коротко и таинственно произнес:

– Ремонт!

– Что, что? – переспросил дядя Гоша. – Не понимаю...

Дядю Гошу я знал давно: он выступал на многих Елках.

И мы с ребятами давно уже наградили его непривычным прозвищем из целых двух слов: «Давайте поприветствуем!» У него было вечно сияющее лицо, вечно радостный голос, и мне казалось, что в жизни у него вообще не может быть никаких горестей, печалей и бед.

Хоть сейчас дядя Гоша появился на улице без пальто и шапки, голос его был все так же весел и бодр:

– Пожалуйста в Страну Вечных Каникул!

И я вошел в просторный вестибюль Дома культуры – туда, где еще накануне собирались сотни нарядных ребят, пришедших на Елку. Сейчас я был в сверкающем, обрамленном гирляндами и флажками вестибюле один-одинешенек. А на лестнице, как и вчера, стояли лисы, зайцы, медведи и целый духовой оркестр.

– Давайте поприветствуем юного каникуляра! – воскликнул дядя Гоша.

– Кого?! – не понял я.

– Юные жители Страны Вечных Каникул называются каникулярами и каникулярками, – объяснил дядя Гоша.

– А где же они – каникуляры и каникулярки?

– Никого нет... Все население на данном этапе состоит из тебя одного!

– А где просто эти... которые были вчера? Ну, юные зрители?

Дядя Гоша виновато развел руками:

– Все в школе. Учатся... – И он снова воскликнул: – Давайте поприветствуем нашего единственного юного каникуляра!

И оркестр грянул торжественный марш, хоть я был одним-единственным зрителем, пришедшим на праздник. Марш гремел гораздо громче, чем накануне, потому что звуки его разносились по совершенно пустому вестибюлю.

А потом с белокаменной лестницы навстречу мне ринулись переодетые зверями артисты...

Я обомлел. Это было уже слишком. Это было чересчур даже для сказки.

## **ЧЕМПИОН, РЕКОРДСМЕН, ПОБЕДИТЕЛЬ!**

Но, впрочем, я тут же оправился от смущения. В ту пору я вообще редко смущался и всегда очень быстро приходил в себя.

Ликующий голос массовика дяди Гоши помог мне овладеть собой. Накануне я попросил Деда-Мороза: «Пусть всегда будет Елка!» – и массовик вел утренник по той же самой программе, что и вчера, не меняя ни одного слова. Поэтому ко мне он обращался во множественном числе: «Сейчас вы, друзья, подниметесь в большой зал!» И я поднимался. «Сейчас вы, друзья, посмотрите акробатический номер!» И я смотрел.

Я был горд тем, что меня называют так уважительно: «Вы, друзья!» Мне очень хотелось, чтобы рядом очутился Валерик и услышал, с каким почтением обращается ко мне сам главный помощник Деда-Мороза. Но потом я сообразил, что, если бы Валерик очутился рядом, тогда в обращении «Вы, друзья!» уже не было бы ничего удивительного: ведь нас и в самом деле было бы двое!

Дядя Гоша был мастером своего дела: обращался ко мне в прозе и стихах, которые сочинял сам. Последнюю стихотворную строку он обычно не дочитывал до конца – он таинственно умолкал, чтобы рифму угадали сами юные зрители.

В то утро дядя Гоша воскликнул: Ну, а сейчас с огромным чувством Мы познакомимся с...

– Искусством! – угадал я.

– Хорошо, хорошо! Тоже будешь поэтом! – похвалил меня дядя Гоша.

И сразу начался концерт... Мне казалось, что песен и танцев в то утро было гораздо больше, чем накануне, потому что раньше они как бы распределялись на сотни юных зрителей, а в то утро доставались мне одному. И я был просто в восторге!

«Все ребята сейчас сидят в классе, – радовался я, – зубрят, потеют у доски. А я – снова на Елочном празднике, как их полномочный представитель, или, сокращенно говоря, полпред!»

Для меня одного пели певцы, и аккомпанировали аккомпаниаторы, и танцевали танцоры. Потом артисты кланялись (тоже мне одному!) и ждали, пока я аплодисментами попрошу их исполнить что-нибудь еще. Но я хлопать не торопился... Я на несколько мгновений задумывался, как бы

размышляя над увиденным и услышанным, а затем уже аплодировал. Разным артистам я хлопал по-разному – одним погромче, другим потише, чтобы все видели, что у меня есть свой вкус и свои взгляды на искусство.

Потом дядя Гоша вновь перешел на стихи:

Ну, а сейчас с большим задором  
Все будем петь! Что значит...

– Хором! – подхватил я.

И мне действительно пришлось петь, потому что это входило в программу утренника. На несколько минут я даже пожалел, что со мной рядом не было, как вчера, других школьников и школьниц, потому что петь «хором» одному очень трудно. Особенно, если у человека такой ужасный слух, как у меня. Накануне голоса ребят как бы заслоняли собой мой голос, но в то утро заслонять было некому...

И я запел. Песня была очень длинной, и я не мог остановиться посередине, потому что мне аккомпанировал целый оркестр. Все шло по вчерашней программе, и поэтому, когда я, наконец, закрыл рот, зайцы, медведи и лисы захолопали мне очень громко, как и полагалось.

А сам массовик опять перешел на рифмы: Собирайся, весь народ, Собирайся в...

– Хоровод! – угадал я.

И один пошел «хороводом» вокруг елки. Это тоже было не очень приятно, но все же легче, чем петь.

Зато потом грянул туш, и появился Дед Мороз в окружении своей свиты. Впереди на легких серебристых роликах кружилась Снегурочка. Она подкатила прямо ко мне, и я взволнованно вскочил со своего места, потому что она была внучкой Деда-Мороза, а внучка волшебника, конечно, и сама тоже хоть немного волшебница.

– Дедушка поручил мне оформлять прописку в Стране Вечных Каникул. Но до сих пор я была без всякой работы: прописывать было некого! – сказала она. – У тебя есть паспорт?

Она спросила это так деловито, словно была паспортисткой из нашего домоуправления.

– Пока еще нету... – ответил я.

– Тогда мне некуда поставить штамп о прописке, – сказала она.

– Меня при рождении, кажется, вписали в мамин паспорт, – тихо сообщил я.

– Но туда я не могу поставить свой штамп, – возразила Снегурочка, – ведь твоя мама не выразила желания быть жительницей Страны Вечных Каникул. Ты – первый каникуляр в вашей семье, и во всей вашей школе, и во всем вашем городе...

– А как же тогда быть? – пробормотал я.

– Ничего! Считаю, что ты все равно прописан. Мы отметим это в твоём пригласительном билете. Билет-то хоть у тебя есть?

Я протянул свой измятый и замусоленный вчерашний билет, где был уже оторван корешок с заветным словом: «Подарок». Снегурочка повертела билет в руках, что-то пошептала, на миг крепко зажала его между ладонями и вернула мне. Я взглянул на билет – и увидел новое чудо: билет стал новеньким, даже вновь запах типографской краской. Корешок с «Подарком» опять был

на своем месте, а наверху красовался прямоугольный штамп, на котором было написано: «Прописан постоянно. По адресу: Страна Вечных Каникул».

– В конце утренника дай билет на подпись Деду-Морозу, – сказала Снегурочка. – Без его подписи недействительно.

И Снегурочка-паспортистка умчалась на своих легких серебристых роликах.

Дед Мороз, как и накануне, встал в центре зала с секундомером в руке, будто судья на стадионе, и объявил соревнования «Кто всех быстрее? Кто всех ловчее? Кто всех умнее?»

Снова ко мне подвели под уздцы «старого, но боевого коня» – облезлый зеленый велосипед (должно быть, дядя Гоша возил его с Елки на Елку), я опять взобрался на кожаное седло и нажал на педали. Но, на этот раз я не очень торопился – мне было ясно, что я все равно буду «всех быстрее», потому что соревновался я сам с собой.

Я ехал счастливый, заранее видя себя двукратным велосипедным чемпионом медицинской Елки. «Как это здорово: быть абсолютно уверенным в своей победе! – думал я, от удовольствия совсем уже замедляя ход. – Никто не может меня догнать и обойти!»

О спортсменах-гонщиках в газетах часто пишут примерно так: «У них не оставалось времени ни для каких мыслей, кроме одной: «К финишу! Скорей к финишу!..» А у меня для мыслей времени было вполне достаточно. И я размышлял о том, какие призы вручит мне Дед Мороз за то, что я бесспорно окажусь «всех быстрее, всех ловчее и всех умнее». И еще я думал: «Ведь праздник идет точно так, как вчера... Может, и подарков в конце принесут столько же? А получать их буду я один!»

Размечтавшись, я подъехал к финишу на самой медленной скорости. Сразу же было объявлено, что я «быстрее всех», и мне был вручен победный приз. Конечно, не такой, как накануне. Самый необычайный приз может быть вручен только один раз, иначе он не был бы «самым необычайным».

На этот раз Дед Мороз вручил мне красивый бумажный пакет, раскрашенный в красный и зеленый цвета. Я заглянул внутрь и с радостью увидел, что в пакете мои любимые белые и розовые брусочки пастилы, шоколадная медаль в золотой обертке и мятные пряники.

Я успел засунуть в рот одну конфету, откусить кусочек сладкой коричневой медали и ощутить во рту охлаждающий, словно зубной порошок, вкус мяты: в конце концов, спортсмен должен подкрепить свои силы после одного ответственного состязания и накануне другого!

– Кто всех ловчее?! – провозгласил Дед Мороз.

И я вышел вперед, готовый вновь ринуться в соревнование с самим собой!

Нужно было запомнить, где дядя Гоша расставил три металлических кольца, и потом с завязанными глазами пролезть или прыгнуть сквозь кольца, как через тоннель, не задев их и не стронув с места.

Дядя Гоша вообще очень любил, чтобы юные зрители закрывали или завязывали глаза: в эти-то минуты он и совершал все самое загадочное и чудесное. «Вы видите: я – в черной куртке! – восклицал дядя Гоша. – Теперь закройте глаза! Откройте!.. Я – уже в красной!.. Закройте глаза! – командовал он. – Теперь быстро откройте! Вот и зажглась наша зеленая красавица!

Мальчишки редко подчинялись дяде Гоше или закрывали только один раз. Поэтому они видели, что массовик просто сбрасывал одну куртку, под которой была другая. Но зато они улавливали и тот в

самом деле прекрасный миг, когда заливалась огнями елка, будто кто-то высыпал на нее сверху горсть драгоценных камней.

А девочки, всегда более исполнительные, по команде дяди Гоши аккуратно моргали ресницами, словно куклы с закрывающимися и открывающимися глазами.

Я пристально, чтобы хорошенько запомнить, посмотрел, где дядя Гоша расставлял металлические кольца. Мне завязали глаза носовым платком... Я стремительно прыгнул – и ничего не задел. Но оказалось, что я прыгнул мимо кольца. Второе кольцо повисло у меня на шее. А через третье я пролез как полагалось: не задев и не тронув с места. Таким образом, я набрал одно очко из трех возможных. И тут же на весь Дом медицинских работников торжественно объявили, что я «всех ловчее».

Дед Мороз вручил мне еще один приз: пергаментный конверт, раскрашенный в голубой и желтый цвета. Я заглянул внутрь и увидел, что там – белые и розовые прямоугольнички пастилы, шоколадная медаль в серебряной обертке и медовые пряники.

Я еще немного закусил перед третьим, самым ответственным состязанием «Кто всех умнее?»

Говорят: «Один ум хорошо, а два – лучше!» Но в то утро мне было очень приятно, что мой ум один-одинешенек участвовал в соревновании: победа ему, таким образом, была обеспечена!

Нужно было отгадать три загадки... Дядя Гоша, обвязав свою блестящую лысину чалмой на манер восточного факира, скрестил руки на груди и произнес:

– Два кольца, «два конца, а посередине – гвоздик!

И, хотя разгадка была хорошо известна мне еще в детском саду, я ответил не сразу. Сперва я погрузился в глубокую задумчивость, потом потер немного ладонями виски – и, наконец, не вполне уверенно ответил:

– Кажется, ножницы...

Дядя Гоша вновь скрестил руки на груди и поднял глаза к потолку, увитому гирляндами и хвоей.

– Без окон, без дверей – полна горница людей!

Я снова наморщил лоб, опять потер ладонями виски и тем же неуверенным голосом сказал:

– По-моему, огурец...

Вообще-то говоря, первые две загадки дядя Гоша всегда задавал дошколятам. Но так как он не менял в своей вчерашней программе ни единого слова, а я как бы представлял в этот день в зале школьников всех возрастов, то мне за мои ответы были засчитаны сразу два очка.

Третья загадка была потруднее и не такая известная – ее дядя Гоша обычно задавал ребятам постарше. Но тут уж мой ум жил, как говорится, «чужим умом»: ответ я запомнил еще накануне. И повторил его...

Но тоже, конечно, не сразу, а глубоко поразмыслив и потерев виски ладонями.

Мне был вручен третий приз: целлофановый пакет, раскрашенный в коричневый и синий цвета. Я даже не стал заглядывать внутрь, я уже заранее знал, что там пастила, шоколадная медаль и пряники...

Таким образом, я стал абсолютным чемпионом: победил во всех трех соревнованиях! Зайцы, лисы и медведи танцевали вокруг меня, воспевали мои достижения и протягивали свои лапы для крепкого дружеского «лапопожатия».

Но потом все расступились: ко мне своей степенной дедморозовской походкой подошел Дед Мороз.

В руках у него был мешок, из которого он всегда в конце праздника доставал самые желанные для ребят, самые заветные новогодние подарки. Мне только казалось немного странным, что он, волшебник и чародей, одновременно, как какой-нибудь контролер у входа, отрывал от билета корешок со словом «Подарок».

«Отдал бы мне весь мешок сразу! – подумал я. – Ведь, кроме меня, дарить подарки здесь абсолютно некому».

И хоть я с трудом удерживал в руках три пакета со своими призами, но как-то, сам того не замечая, потянулся еще и к мешку.

– Нет, – остановил меня Дед Мороз, – призы ты уже получил... А подарок я могу дать тебе только один: бухгалтерия выписывает подарки по числу зрителей. И тут даже волшебная сила бессильна! В бухгалтерские дела и расчеты мы, честные волшебники, не вмешиваемся. Так что, хоть ты и заменял сегодня целый зрительный зал, получай всего-навсего одну коробку.

Я взял жестяную коробку, мельком заглянул в нее. Так и есть: пастила, шоколадная медаль и тульские пряники. Сбывались мои самые заветные желания и мечты!

Я протянул Деду-Морозу пригласительный билет, чтоб он, как всегда, оторвал корешок со словом «Подарок». Он оторвал. Потом положил билет на одну рукавицу, накрыл сверху другой, на миг крепко зажал его между рукавицами – и корешки со словами «Подарок» и «Контроль» снова оказались на своих местах, будто никто их и не отрывал.

– Это чтобы ты завтра снова мог прийти сюда и опять получить свой подарок, – объяснил Дед Мороз.

– И сколько еще раз будут эта утренники? – спросил я.

– О, сколько захочешь! Ведь ты прописан в Стране Вечных Каникул навечно! А если пожелаешь развлекаться как-нибудь еще – только обратись, только сообщи, и твое желание будет исполнено! Слово каникуляра для нас – закон!

– Но куда же я обращусь?

– В старых сказках обращались к разным неодушевленным предметам, которые назывались талисманами. Или, например, брали в руки зеркальце и просили его: «Ты мне, зеркальце, скажи да всю правду доложи!..» Этот способ давно устарел. Теперь для получения заявок на исполнение желаний мы, волшебники, используем новейшие средства связи. Лучше всего – телефон. Ты наберешь две двойки – и тебе сразу ответит «Стол заказов»...

Я поморщится:

– Странный немного... телефонный номер. Одна двойка – и то как-то неприятно, а тут целых две!

– О, ты не прав! – воскликнул Дед Мороз. – Мы специально выбрали именно такой номер: чтобы он был привычен и близок сердцу каникуляра. Наберешь – и сразу ответит «Стол заказов»!

– Как в магазине?

– О нет, это совсем другое дело. Там принимают заказы на продукты, а тут на исполнение желаний. Так что звони, не стесняйся! Но только по поводу развлечений! Других желаний мы выполнять не можем. А отвечать тебе будет Снегурочка. Она заведет этим «Стол».

– Но ведь она – паспортистка...

– А там работает по совместительству. Страна Вечных Каникул была в вынужденном простое... Из-за отсутствия каникуляров. И у нас произвели сокращение штатов. Теперь благодаря тебе мы опять заработали! Подавай заявки на любые развлечения... Будем удовлетворять!

– А как же школа? – спросят я.

– О, об этом ты не волнуйся, – авторитетно заверил меня Дед Мороз. – Учителя будут только довольны.

– А папа с мамой?

– И они тоже!

Я, конечно, не мог усомниться в его словах: ведь он уже на деле доказал мне, что может запросто совершать чудеса!

«Как это замечательно! – размышлял я. – Если пожелаю, каждый день буду веселиться, получать призы и подарки! Ходить куда захочу и смотреть что захочу!..»

– Значит, Страна Вечных Каникул – не только здесь, не только в этом доме? – на всякий случай еще раз решил удостовериться я.

– Нет, здесь только столица этого государства. Она называется Докмераб, что в расшифрованном виде обозначает: Дом культуры медицинских работников. Запомни на всякий случай: Докмераб! А сама Страна Вечных Каникул отныне будет для тебя всюду: и дома и на улице...

– И во дворе?

– Во дворе тоже!

И я отправился во двор. Я шел по улице, жуя попеременно то пастилу, то шоколад, то пряник. Я был горд тем, что стал единственным в нашем городе каникуляром. И что теперь, если захочу, каждый день буду «всех быстрее» и «всех ловчее». Но главное – «всех умнее»! Хорошо было бы, конечно, чтобы это заметили мама и папа. И все мои приятели тоже. И Валерик... Ведь когда наших успехов никто не замечает, это очень обидно. Тем более, что самому рассказывать о них как-то неудобно.

Я шел во двор, чувствуя себя чемпионом, рекордсменом и победителем!

## **ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ КАНИКУЛЯРА**

У нас был большой двор. Конечно, он остался таким и сейчас, но я теперь старше – и то, что в детстве казалось мне огромным, стало большим, а то, что казалось большим, стало просто немалым.

В доме у нас, сколько я себя помню, всегда была «комиссия по работе среди детей». Председателем ее был сам управдом. Комиссия заботилась о нас: устраивала разные экскурсии и даже путешествия на пароходе. А еще она любила заседать и издавать распоряжения, которые тут же расклеивались на столбах: «Категорически запрещается звонить в чужие квартиры и убегать, не дождавшись, пока откроют!», «Запрещается становиться ногами на скамейки, где люди должны сидеть!», "Запрещается переговариваться друг с другом через двор в форме крика: это мешает жильцам отдыхать! "

Валерик не входил в «комиссию по работе», по он придумал устроить во дворе крокетную площадку и футбольное поле, которое зимой становилось хоккейным.



Валерки уже давно здесь нет... А то футбольное поле есть и сейчас. И крокетная площадка тоже. И в красном уголке по-прежнему показывает спектакли наш теневой театр, который открыл свой первый сезон еще тогда, много лет назад, пьесой Валерика «Ах вы, тени, мои тени!».

Управдом называл Валерика «фантазером», и это слово звучало в его устах осуждающе. А он и правда был фантазером. В пионерлагере по вечерам, когда, согласно распорядку, уже должен был наступить глубокий сон, он рассказывал нам страшные истории «с продолжением». Это были сюжеты фильмов и книг, которых мы с ребятами не видели и не читали. Валерик всегда обрывал на самом интересном месте, и мы на следующий день просто не могли дождаться вечернего лагерного отбоя. От страха я с головой зарывался под одеяло и слушал оттуда, сквозь узкую щелочку.

А потом как-то Валерик признался мне, что никаких таких фильмов он тоже не видел и книг не читал, а просто все придумывал сам, чтобы нам не было скучно.

Помню, «комиссия по работе» приобрела для ребят бильярд, который установили в красном уголке, а рядом на стене повесили объявление: «Сукно не рвать! Киями не драться! Металлическими шарами друг в друга не кидать!» Все стали сражаться за звание лучшего бильярдиста. И тогда однажды Валерик сказал:

– Знаете, как называют теннисиста-чемпиона? «Первой ракеткой»! А лучшего боксера? «Первой перчаткой». У нас во дворе теперь есть хоккей, футбол, бильярд и крокет... Давайте установим почетные звания: «Первая клюшка», «Первая бутса», «Первый кий», «Первый молоток»! И будем бороться за эти звания.

Мы стали бороться!

Я умел играть только в крокет. Так получилось, что на даче, где я несколько лет подряд жил летом, все очень увлекались крокетом. И я тоже, не разгибаясь по целым дням, гонял молотком большие деревянные шары. Ни у кого из моих соседей по дому не было такого богатого крокетного опыта, и я вскоре завоевал почетное звание «Первого молотка».

Но мне, конечно, очень хотелось стать одновременно «Первой клюшкой», «Первой бутсой» и «Первым кием»! Я пытался участвовать во всех матчах и состязаниях, но меня не принимали.

– Норовишь проскочить через все дужки сразу! Хватит с тебя одного крокета. Совершенствуйся! – говорил мне самый длинный парень во дворе – Жора, у которого было целых два почетных звания: «Первая клюшка» и «Жора, достань воробушка!».

Жоре, единственному среди нас, беспрепятственно продавали билеты на любую кинокартину и на любой сеанс, даже на самый поздний. За это его потом стали звать «Жора, достань билетик!».

Жора был лучшим спортсменом у нас во дворе: спорить с ним я не решался. Но в тот день и во дворе тоже произошло чудо!

Когда я появился со своими пакетами и жестяной коробкой, все ребята бросились мне навстречу так, будто только меня и ждали.

– Хотите? – протянул я им свои призы и подарок.

– Что ты, Петенька? Что ты? – в ужасе шарахнулись от меня ребята. – Все это должен съесть ты сам. Только ты! И больше никто! Вдруг тебе самому не хватит? Подумать страшно!

Чтобы мои друзья-приятели отказывались от пряников и конфет? Такого еще не бывало! И почему они называют меня Петенькой? Всю жизнь звали Петькой, а тут... Конечно, все они были крепко-накрепко, просто наповал, заколдованы Дедом-Морозом.

– Очень хорошо, что ты пришел, – ласково сказал Жора. В обычные дни он вообще не замечал, есть я во дворе или меня там нету. – Пойди в красный уголок и поскорей переоденься, – продолжал он. – Ты будешь у нас вратарем.

Я? Вратарем? Да меня раньше и болельщиком-то не признавали – Жора говорил, что у меня нет еще ярко выраженных симпатий: то я болел за первый корпус нашего дома, то за второй, а чаще всего за тех, кто выигрывал. И вдруг: вратарем! Я вопросительно взглянул на Валерика: уж он-то не станет меня разыгрывать. Бледное лицо Валерика на холоде побелело еще сильнее.

– Видишь, я совсем замерз, ожидая тебя...

Тут уж я не мог сомневаться!

«Ага! Узнали силу Деда-Мороза? – мысленно возликовал я. – Он вас еще и не то заставит сделать! Вы еще меня капитаном своим изберете, а может быть, и тренером!..»

Я сделал вид, что ничуть не удивился Жорину решению: приглашение в команду мастеров первого корпуса я принял как должное. И не спеша отправился в красный уголок. Там меня поджидали самодельные наколенники из старой стеганки, которые Валерик и Жора смастерили для того, чтобы вратарь не расшибал себе коленки. На скамейке лежали клюшка и свитер с цифрой "1" на груди – это значило, что я буду защищать хоккейную честь первого корпуса.

Потом профессиональной спортивной походочкой, которую я перенял у Жоры, я вышел во двор и встал у заветных ворот. Валерик, как самый справедливый во всех трех корпусах нашего дома, был судьей. Да, его все уважали... Жора мог «достать воробушка», а Валерик едва доставал Жоре до плеча, но, когда они разговаривали, Валерик не тянулся на цыпочках вверх, а, наоборот, длинный Жора всегда наклонялся, чтобы маленькому и худенькому Валерику было удобней его слушать.

Валерик дал свисток – и игра началась.

Я бы не сказал, что она, как пишут в спортивных обозрениях, «шла с переменным успехом. Нет, даже переменного успеха у нашей команды не было, потому что за два тайма я пропустил в ворота максимально возможное количество» шайб. И еще две шайбы загнал в свои ворота сам.

Но моя команда меня не ругала. Наоборот, все старались доказать, что я ровным счетом ни в чем не виноват.

И все меня успокаивали, словно я был каким-то нервнобольным.

– Не расстраивайся! – говорил Жора. – Первый блин комом, а первый матч голом!

Я представлял себе, что бы сказал мне Жора, если б за его спиной не маячила незримо борода моего покровителя Деда-Мороза.

– Даже про иного гроссмейстера, знаешь ли, пишут:

«Сыграл не лучшим образом!» – утешал меня Мишка Парфенов, который тоже жил в нашем доме. – Не огорчайся!

Ну, что для тебя сделать? Хочешь, я скажу тебе, сколько сейчас времени?..

Я подошел к Валерику и спросил:

– Ужасно, да? Ты меня презираешь, да?

– Почему же? – ответил Валерик. – Ты ведь давно хотел поиграть в хоккей. И не как-нибудь, а в сборной команде. Вот ребята и доставили тебе удовольствие. Как говорят, исполнение желаний!

Я видел, как прыгала от счастья команда второго корпуса.

«Ну ничего, недолго вам прыгать! – думал я, повторяя про себя номер „Стола заказов“. – Вот сейчас приду домой, наберу две двойки – и ни одна шайба больше никогда не залетит ко мне в ворота!..»

Мишка Парфенов предложил мне:

– Хочешь сыграть на бильярде? Сейчас как раз моя очередь. Я тебе уступаю!

– Нет... я уже наигрался...

Дед-Мороз продолжал действовать: развлечения наступали на меня со всех сторон.

Даже Мишка Парфенов, довольно-таки жадный и завистливый паренек, который и на пять минут не давал никому поносить на руке свой знаменитый «будильник», – даже Мишка уступал мне сейчас очередь.

– Слушай, Мишка, а учительница заметила, что меня сегодня не было в школе? – спросил я тихо, предварительно оглядевшись по сторонам. – Или не заметила?

– Ну как же! Заметила!.. И знаешь, что нам сказала?

– Что я прогуливаю!

– Нет...

– А что же?

– Она сказала, что ты отсутствуешь по вполне уважительной причине!

– По уважительной?

– Ну да. Она сказала, что ты проходишь какой-то «курс лечения».

– Как? Как?!

– Курс лечения! Что-то она, наверно, перепутала.

Мишкино сообщение так поразило меня, что я сразу пошел в красный уголок переодеваться. «Почему курс лечения? – недоумевал я. – Какой же такой курс лечения? А может быть, Дед-Мороз внушил ей, что я тяжело болен?»

Я стянул с себя свитер с цифрой "1" на груди, накинул на плечи пальто и задумчиво поплелся домой.

Уже в парадном, на лестнице, меня догнал Мишка Парфенов:

– Ты забыл, Петя... там, в красном уголке...

И он вновь нагрузил меня тремя моими пакетами и жестяной коробкой.

Я стянул с себя свитер с цифрой "1" на груди, накинул на плечи пальто и задумчиво поплелся домой.

Уже в парадном, на лестнице, меня догнал Мишка Парфенов:

– Ты забыл, Петя... там, в красном уголке...

И он вновь нагрузил меня тремя моими пакетами и жестяной коробкой.

– Хочешь шоколадку? – ласково спросил я у Мишки.

– Что ты, Петя! Тебе самому не хватает!

Дед-Мороз был на страже моих интересов! И я уверенно зашагал по лестнице, радостно размышляя: «Все ребята сейчас пойдут делать уроки, а я буду делать что захочу: мои каникулы продолжаются! Позвоню вот сейчас Снегурочке!..» И позвонил.

– «Стоя заказов»! – ответила мне Снегурочка.

– Я бы очень хотел стать лучшим вратарем у нас во дворе...

– Принимаем заказы только на развлечения. Игре в футбол не обучаем!

– А в хоккее?

– И в хоккее тоже.

– А справки вы даете?

– Какие?

– Я бы вот очень хотел узнать... Почему наша учительница сказала, что я прохожу курс лечения?

– Твоя бывшая учительница просто оговорилась...

«Бывшая? – удивился я. – Ах, да! Я же навек распрощался со школой!..»

– Она хотела сказать: курс развлечения, – продолжала Снегурочка, – а случайно сказала: курс лечения. Вот и все. Заявок на развлечения нету?

– Нету... – ответил я. И повесил трубку.

То, что я не хотел развлекаться, видимо, огорчило моего покровителя Деда-Мороза, и он решил доставить мне удовольствие сам, по собственной инициативе, чтобы я позабыл о своих хоккейных неприятностях.

Правда, преподнесен был подарок волшебника в несколько необычной форме, – папа торжественно усадил меня на диван и сказал:

– Слушай! Мама сообщит тебе от нашего общего имени нечто очень и очень важное.

– Безобразия! – начала мама. – Ты не съел еще всех пряников и конфет?! Чтобы навести порядок в этом деле, мы решили, что я не буду отныне готовить завтраки, обеды и ужины: нельзя отвлекать тебя от основной пищи! – Она указала на мои пакеты. – Нельзя портить тебе аппетит! Мы с папой будем питаться в столовой или в кафе, которое у нас на первом этаже. А для тебя мы разработали особое меню. Я отпечатала его у себя на работе на пишущей машинке...

Слушай внимательно! На завтрак у тебя теперь будут мятные пряники с кофе. Обед будет, конечно, из трех блюд: на первое – пастила, на второе – тульские пряники, а на третье – медальки из шоколада. На ужин – медовые пряники с чаем!.. И не вздумай нарушить или хоть чуть-чуть изменить это меню! Слышишь, Петр?

И тут я понял, что ни один волшебник на всем белом свете не сможет сделать так, чтобы я повелевал своими родителями, – всегда и всюду они будут командовать мной.

«Но пусть их команды и повеления всегда будут такими, как сейчас», – мечтал я.

Все шло прекрасно! «Буду есть что захочу! – торжествовал я. – Буду ходить куда захочу!» На радостях мне вдруг очень захотелось пойти в цирк, и я снова набрал две двойки.

– Заказ принят! – ответила внучка Деда-Мороза. – Номер заказа: один дробь семь. Приняла и оформила Снегурочка.

## **СЕГОДНЯ В ЦИРК МЫ ПРИШЛИ НЕ ЗРЯ!..**

Я уже привык поздно вставать. Сквозь сон я слышал, как мама упрекала папу:

– Топаешь своими ножищами! А он не должен слышать, что мы так рано поднимаемся: нельзя подавать ему дурных примеров!

Папа снимал ботинки и ходил по комнате в носках и на цыпочках.

Будильник в нашем доме по приказу мамы онемел и просто молча показывал время, как самые обыкновенные безголосые часы.

Но в то утро мама сама разбудила меня.

– Петр, – шепотом сказала мама, – ты окончательно не просыпайся: тебе еще спать да спать! Но я не могу уйти на работу, не предупредив тебя о том, что в цирке бывает несколько представлений в день... Если понравится, можешь остаться и на второе и на третье.

Когда Дед-Мороз успел сообщить маме, что я собираюсь в цирк? И почему она не спрашивает, на какие деньги я туда пойду? И не волнуется, как я туда доберусь, хотя цирк находится совсем в другом конце города?

Никто, конечно, не смог бы ответить мне на эти вопросы. Да и вообще, когда дело касается сказки, лишних вопросов лучше не задавать.

Днем, выйдя на улицу, я не успел даже подумать, на чем бы мне добраться до цирка... Я не успел об этом подумать, потому что прямо к подъезду подкатил тот самый пустой троллейбус с дощечкой «В ремонт!» на заднем стекле.

В нашем доме, на третьем этаже, жил один большой начальник, директор завода. За ним каждый день приезжала машина, которую в доме называли «персональной». Это слово почему-то произносили негромко, вполголоса. Тот легковой автомобиль марки «эмка», высокий и прямой, точно карета с мотором, сейчас не пустили бы на центральные улицы нашего города, как не пустили бы какую-нибудь старую телегу. Но в то время «эмка» казалась мне роскошным автомобилем. Иногда большой начальник катал ребят в своей персональной машине: взрослых людей в ней, кроме шофера, помещалось не больше четырех, а нас, ребят, набивалось по семь или даже по восемь человек. Ну, а в моем персональном троллейбусе могли бы уместиться десятки пассажиров, но ехал я в нем один-одинешенек.

Мне очень хотелось, чтобы ребята или хотя бы взрослые соседи увидели, как я сажусь в свой персональный троллейбус. Но уж так всегда получается: если хочешь, чтоб тебя увидели, то как раз в эту минуту рядом никого не оказывается. Только один незнакомый пешеход сказал другому:

– Посмотри-ка, здесь теперь сделали остановку троллейбуса!

Я повернулся и гордо сообщил:

– Здесь нет остановки. Это за мной приехали!..

И поднялся по ступенькам навстречу той же самой приветливой кондукторше.

Как и в первый раз, кондукторша стала предлагать мне:

– А не пересядешь ли ты лучше вперед, поближе к водителю? Там меньше трясет. А не перейдешь ли ты лучше на другую сторону? Там солнце не бьет в глаза. А может быть, ты хочешь посидеть на моем, на кондукторском месте?

Я уже не стеснялся доброй кондукторши. К тому же путь был более долгим, чем в первый раз, и я успел прогуляться по всему троллейбусу: посидел возле кабины шофера, и на кондукторском месте, спиной к окну, и под белой табличкой «Для пассажиров с детьми и инвалидов». А троллейбус катил вперед без всяких остановок, и даже светофоры светили ему всюду своим самым нижним, зеленым, глазом: наверно, Дед-Мороз считал, что на моем пути к развлечениям не должно быть никаких препятствий!

Никаких!..

– До скорой встречи, – прощаясь, сказала кондукторша.

«Ага, значит, она приедет сюда за мной после представления», – сообразил я. Спрыгнул на тротуар, побежал к цирку, и тут услышал за спиной голос какого-то гражданина:

– Когда это здесь пустили троллейбус?

– Не знаю, – ответил другой. – Должно быть, поставили столбы, провели провода и пустили.

– В том-то и дело, что никаких проводов нету! Посмотрите-ка вверх! Посмотрите!

На тротуаре уже собрались любопытные. Я вместе с ними задрал голову вверх: никаких проводов действительно не было.

– А теперь взгляните туда, взгляните! – не успокаивался все тот же гражданин.

Я вместе с другими повернулся в ту сторону, куда он изумленно тыкал пальцем, и увидел вдали свой персональный троллейбус, длинные «усы» которого свободно болтались, словно плясали в воздухе над крышей.

– Никогда не видел ничего подобного, – протирая глаза, сказал какой-то старичок. – Чтобы троллейбус ездил без проводов, как автобус...

– И не грузовой троллейбус (тот и без проводов может на одном моторе), а самый обыкновенный, пассажирский... Не-во-о-бра-зи-мо! – медленно произнес гражданин в шляпе. И надел на нос очки, чтобы получше разглядеть это чудо.

«И не то еще увидите, если я захочу вас удивить! Стоит только мне зайти хотя бы вон в ту автоматную будку, набрать две двойки и попросить Деда-Мороза...» – с этими мыслями, счастливый и гордый, я покинул прохожих, не привыкших вот так запросто, прямо на тротуаре, встречаться со сказкой.

По вечерам здание цирка выглядело наряднее, чем в дневное время: вечером фамилии акробатов, укротителей и клоунов были написаны разноцветными огнями. А сейчас, днем, кое-какие фамилии даже трудно было разобрать: утром на буквах налипли снежинки, а потом потеплело – и буквы вытянулись, потекли вниз. Но я все же сумел прочитать, что в представлении участвует знаменитый клоун-богатырь.

Остальные фамилии я прочитать не успел, потому что на меня наскочила какая-то дама, державшая за руку маленькую девочку:

– У тебя нет лишнего билета?

– У меня нету... – ответил я.

Маленькая девочка, которая совсем уже приготовилась попасть в цирк (я видел это по ее празднично заплетенным косичкам), скривила губы, еле-еле удерживаясь от плача. И меня тоже стала тревожить мысль: «Как же пройти мимо контролеров туда, где скоро загремит музыка, и забегают по арене светящиеся круги, и будет показывать свои номера знаменитый клоун-богатырь? Тут ведь не Докмераб, не столица Страны Вечных Каникул. И дядя Гоша не встречает меня у входа...».

Так думал я, потихоньку, боязливо приближаясь к тому месту, где широкий поток зрителей словно бы входил в искусственный шлюз – в узкий проход, по обеим сторонам которого стояли контролерши в форменных костюмах с серебряными полосками на рукавах. Неужели Дед-Мороз забыл обо мне?..

Когда до опасного шлюза оставалось всего несколько шагов, я услышал осторожный шепот:

– Вниз, направо, вторая дверь... Не оглядывайся! Мы с тобой не знакомы!

Выбравшись из общего потока, я все-таки обернулся и увидел того человека, который шепнул мне на ухо: «вниз, направо, вторая дверь...» Он тоже был в форменном костюме с серебряной полоской на рукаве и, стало быть, тоже работал в цирке. Но ведь он, значит, мог бы просто так, без билета пропустить меня в зал! И почему я не должен смотреть в его сторону? Почему должен подчеркивать, что мы не знакомы?

«Вниз, направо, вторая дверь!» – повторил я про себя. Вниз?.. Может быть, Дед-Мороз хочет, чтобы я проник в здание цирка подземным ходом? Но на той самой второй двери справа не было написано «Подземный ход», а было написано «Служебный вход».

Я вошел... И ко мне сразу кинулось трое или четверо людей в форменных костюмах с серебряными полосками.

– Никто не видел, как ты сюда зашел? Никто не слышал, как тебя сюда послали?

– Никто, – ответил я. – А что такого особенного, если б кто-нибудь и услышал?

– Это невозможно! – раздался громовой голос. – Тогда бы все погибло.

– Что погибло? – тихо спросил я, отступая назад перед огромным человеком в ярком и нелепом клоунском костюме. – Что бы тогда погибло?

– Тогда бы весь мой номер сегодня в зале помер!

Эти стихи почему-то очень напомнили мне стихи дяди Гоши.

– Нет, никто ничего не видел, – тихо сообщил я.

– Тогда все будет гладко: ведь ты – моя «подсадка»!

Дядя Гоша декламировал только во время представлений, а этот знаменитый клоун-богатырь (конечно же, это был он!) все время разговаривал в рифму. «Наверно, не все люди, которые пишут и даже говорят стихами, называются поэтами», – неожиданно подумал я.

У клоуна-богатыря было свирепое лицо: насупленные брови, огненно-красные щеки, которые напоминали две раскрашенные тыквы, глаза состояли из одних только круглых черных зрачков, а белков совсем не было. Но это была маска. А под ней, мне казалось, должно было скрываться лицо, очень похожее на лицо массовика дяди Гоши – вечно ликующее, неизвестно чему улыбающееся. И лысина, наверно, была такая же блестящая, словно отполированная, хотя над маской торчала мохнатая и густая щетка чьих-то чужих волос.

Да, будет все в порядке:

Ведь в зале – три «подсадки»!

Заметив, что я ничего не могу понять, клоун подтвердил:

Да, все должно быть гладко:

Ведь ты – моя «подсадка»!

– Кто, Я?

– «Подсадка»! Одна, как говорится, из трех. Значит, он иногда все-таки переходил на прозу.

– И куда я должен подсаживаться?

Не в поезд, конечно, ведь здесь не вокзал!

А просто как зритель в наш зрительный зал!

Ты тихо подсядешь у всех на виду На пятое место в десятом ряду!

Я молчал.

– Опять не понимаешь? Это, вероятно, из-за стихов, – прогремел над самым моим ухом клоун-богатырь. – Давай поговорим, как нормальные люди.

– Очень хорошо! – обрадовался я.

– Главное – секретность, или, как говорится, конспирация. Никто не должен знать, что ты – моя «подсадка». Соображаешь?

Я по-прежнему соображал довольно туго.

– Слушай дальше! Ты тихонечко, чтобы никто, как говорится, ничего не заметил, выйдешь отсюда в фойе. Походишь туда-сюда, как самый обыкновенный зритель. Даже можешь купить мороженое: обыкновенные зрители всегда едят мороженое. А потом, когда прозвенит третий звонок, войдешь вместе со всеми, в общей, как говорится, массе, в зал и сядешь на пятое место в десятом ряду. Сиди и жди, когда я начну выступать. Мой, как говорится, коронный номер: поднятие тяжестей. Чтобы доказать, что мои тяжести очень тяжелые, я вызову трех самых, как говорится, обыкновенных зрителей из зала на арену. Первым будешь ты!

Только не вздумай поднять мои тяжести...

– Я не смогу, – тихо сказал я.

Клоун-богатырь перешел на шепот. Но и от его шепота подрагивал графин на столе:

– Ты вполне сможешь поднять мои тяжести, потому что они очень легкие. Но ты должен делать вид, что их невозможно не только поднять, но даже, как говорится, сдвинуть с места.

Соображаешь?

– Как говорится, ага... – ответил я, невольно подражая богатырю, который поднимал легкие тяжести. – Только одно мне не совсем понятно.

– Что именно?

– На какие деньги я куплю мороженое?

Клоун загремел своим богатырским хохотом. Он хохотал очень долго. Но лицо его при этом ничуть не менялось: оно по-прежнему было свирепым, потому что это было не лицо, а маска.

– Кто, как говорится, получает на орехи, а кто – на мороженое!



Клоун протянул мне деньги. «Какой добрый, благородный богатырь! – подумал я. – Совсем как в легендах или былинах!..» Значит, именно с его богатырской помощью.

Дед-Мороз решил бесплатно провести меня в цирк, да еще и угостить мороженым! Мороженое я любил не меньше, чем пастилу, шоколад и пряники.

Ни на одном стуле, ни в одном зрительном зале мне не было так приятно сидеть, как на пятом месте в десятом ряду.

Ведь я был не просто зрителем – я был участником представления, но тайным участником, и никто вокруг об этом не знал.

Сперва на арену вышита четыре медведя. Тяжелые и с виду неповоротливые, они ловко вскакивали на ходу в мотоциклетные коляски, объезжали арену на самокатах и даже разгуливали на передних лапах, задрвав задние вверх. Я не хлопал, не визжал от восторга, как мои соседи, сидевшие в десятом ряду, – я все время пристально вглядывался в медведей и думал: а может быть, это не настоящие звери? Если тяжести могут быть легкими, то и медведи могут быть не медведями. Может, какие-нибудь артисты залезли в бурые шкуры и нацепили медвежьи маски?

Медведи свободно расхаживали по арене... А тигры не пользовались таким доверием: они были в клетках. Но там, за стальными прутьями, они выделяли такие номера, что я опять стал сомневаться: может быть, это вовсе не тигры? Катаются на шарах, прыгают сквозь горячие обручи. Гораздо ловчее, чем я сквозь обручи дяди Гоши... Вот если бы меня послали проверить: настоящие они или не настоящие? Я представил себе, как дрессировщик провозглашает на весь цирк: «Сейчас обыкновенный зритель, сидящий на пятом месте в десятом ряду, проверит моих зверей. Если он выйдет обратно из клетки, значит, звери не настоящие, а если не выйдет – значит, все в порядке». От одной этой мысли все мои сомнения сразу рассеялись: нет, конечно, тигры не нуждаются ни в какой проверке! Я готов был подтвердить это прямо со своего места в десятом ряду, даже не подходя к клеткам.

Когда чего-нибудь ждешь, время тянется томительномедленно. Я не замечал, какой интересной и разнообразной была цирковая программа, потому что с нетерпением ждал выхода на арену знаменитого клоуна.

И вот наконец на арене загремели стихи: Сегодня в цирк вы пришли не зря: Увидите клоуна-богатыря!

Вслед за клоуном появились две тележки с такими гирями, что казалось, упади они – и на манеже образуются глубокие воронки. Люди в форменных костюмах с серебряными полосками на рукавах везли тележки медленно, тяжело отдуваясь, то и дело останавливаясь для отдыха.

– Мои помощники, или, как говорится, ассистенты! – сообщил клоун. И стал заниматься гимнастикой, готовясь к поднятию тяжестей. Он вытягивал руки – и мускулы его вздымались, как крутые пригорки на ровной дороге. «Наверно, клоун пошутил, что тяжести легкие», – подумал я, видя, как естественно выбиваются из сил, надрываются и вытирают пот со лба ассистенты, катившие по арене повозки с гирями.

Никто на всей планете

Не сдвинет гири эти!

Никто не сможет в мире

Поднять такие гири!

Громогласно объявив об этом, клоун обвел застывшим свирепым взглядом ряды зрителей и в рифму спросил:

Может быть, вы не верите?  
Может быть, вы проверите!  
Сразу вверх потянулись руки.

– Возьмем с каждой трибуны первых попавшихся зрителей, – объявил клоун-богатырь.

– Ребенок! Он, ясное дело, не поднимет! – запротестовал кто-то в зале.

– Вес моих гирь испытают представители разных поколений! – объявил клоун-богатырь. – Как говорится, и старые и малые!..

И тут же ему на глаза «случайно» попался я...

Я был в десятом ряду, но очутился внизу на арене так быстро, будто сидел в первом. Однако, очутившись там, внизу, я вдруг понял, как это страшно – выступать перед зрителями. Сотни глаз со всех сторон уставились на меня и на гири. И все ждали... Только обычно от человека, стоящего на арене, рядом с гирями, ждут, чтобы он их поднял, а от меня ждали, чтобы я не сумел их поднять. Все было наоборот.

Я смотрел на клоуна, как на самого настоящего богатыря и героя: он расхаживал по арене совершенно спокойно, будто вокруг не было никаких зрителей и никто с трибун на него не глазел. А у меня тряслись коленки, и я со страху чуть было не поднял гири, которые были такими легкими, что, казалось, прямо-таки прилипали к моим ладоням и тянулись за ними вверх. Но я вовремя опомнился, напряг все свои силы и сумел не поднять! Я даже не сдвинул их с места. Потом я, подражая ассистентам клоуна-богатыря, стал вытирать пот со лба. Пот у меня действительно выступил...

Я смотрел на клоуна, как на самого настоящего богатыря и героя: он расхаживал по арене совершенно спокойно, будто вокруг не было никаких зрителей и никто с трибун на него не глазел. А у меня тряслись коленки, и я со страху чуть было не поднял гири, которые были такими легкими, что, казалось, прямо-таки прилипали к моим ладоням и тянулись за ними вверх. Но я вовремя опомнился, напряг все свои силы и сумел не поднять! Я даже не сдвинул их с места. Потом я, подражая ассистентам клоуна-богатыря, стал вытирать пот со лба. Пот у меня действительно выступил...

– Что, не под силу? – над самым моим ухом прогремел голос.

– Не под силу, – растерянно ответил я.

– Устами младенца, как говорится, истина глаголет! – торжественно провозгласил клоун. – Теперь вызовем первых попавшихся зрителей с другой трибуны. Начали мы с ребенка, а сейчас вызовем мужчину. Да покрепче, поздоровее!

Я вернулся на свое пятое место в десятом ряду. Представление продолжалось... А мне хотелось, чтобы оно уже кончилось: не терпелось поскорее вернуться домой и позвонить Деду-Морозу. У меня была к нему одна очень важная просьба!..

## **ЭТО НАШ ПЕТЯ!**

Я снова набрал две двойки. И снова мне ответил знакомый Снегурочкин голос:

– «Стол заказов» слушает!

– Это я... Петя-каникуляр!

– Оформить заказ на выполнение желаний?

– Да, пожалуйста. Если не трудно...

– Такая наша работа.

– Я бы очень хотел, чтоб все мои друзья очутились в цирке на дневном представлении!

– Обслуживаем только каникуляров! – строго ответил «Стол заказов».

– Но ведь меня это очень развлечет. Мне доставит огромное удовольствие, прямо-таки наслаждение, если все мои приятели окажутся в цирке!

– Обратись непосредственно к Деду-Морозу. Может быть, он разрешит... в порядке исключения. Соединяю!

Я начал повторять свою просьбу, но Дед-Мороз перебил меня:

– О, не затрудняй себя: я слышал ваш разговор по отводной трубке. Вообще-то говоря, Снегурочка абсолютно права: по правилам я должен развлекать только каникуляров. У сказки ведь тоже есть свои законы. Если, знаешь ли, волшебники начнут делать все, что им взбредет в голову, они такое натворят на белом свете... Но в порядке исключения, так уж и быть, пойду тебе навстречу: организую для всех твоих приятелей культпоход в цирк.

– Завтра? – обрадовался я.

– Нет, не завтра, а в ближайшее воскресенье.

– Почему-у? Мне бы очень хотелось...

Дед-Мороз опять перебил меня:

– Я дисциплинированный волшебник и не могу отрывать ребят от занятий. И от всяких общественных дел. Особенно сейчас, когда они в школе готовятся ко дню открытия...

– Что это они там собираются открывать? – лениво перебил я волшебника.

– Вот видишь, я нечаянно нарушил законы сказки: каникуляру нельзя даже рассказывать о том, что делается в школе. Ни о каких занятиях, ни о каких делах! Он должен только отдыхать и развлекаться. Так что больше я ничего не расскажу. А просьбу твою насчет цирка выполню.

И сразу же в трубке раздался голос дед-морозовской внучки:

– Заказ принят! Номер заказа: два дробь семь. Приняла и оформила Снегурочка.

Я уже говорил о том, что мне в ту далекую пору очень нравились выходные дни.

Но, пожалуй, никогда еще я не ждал воскресенья с таким нетерпением, как после разговора с Дедом-Морозом. Ведь на дневном воскресном представлении в цирке должна была осуществиться одна моя необыкновенная затея! Необыкновенная!..

"Будет так... – размышлял я. – Выкатят огромные гири, выйдет клоун-богатырь, а потом уж спущусь на арену и я. Спущусь тихо и скромно, будто первый раз в жизни..."

Все наши ребята будут смотреть на меня. И даже Валерик замрет от изумления. "Устами младенца, как говорится, истина глаголет! – воскликнет клоун. И обратится ко мне:

– Под силу ли тебе, мальчик, поднять эти гири?" А я возьму и подниму их вверх! Трудно даже представить себе, что тут начнется! Все решат, что я великий силач! Ведь остальные «подсадки» не будут подводить клоуна и не смогут поднять гири. А я смогу! Ах, если мой план осуществится!

Тогда все ребята сразу и на веки веков забудут о моем позоре на хоккейном поле! Забудут обо всех моих неудачах!.. Обо всех!"

И вот наступил долгожданный день.

Со своего пятого места в десятом ряду я видел, как на противоположной трибуне расхаживают мои друзьяприятели. Но они меня не замечали: должно быть, ДедМороз нарочно сделал так, чтобы они не смотрели в мою сторону. А я не спускал глаз с Валерика. Он, конечно, сидел рядом с Жоркой и Мишкой-будильником. Он даже положил руку Жорке на плечо. И мне было как-то неприятно на это смотреть...

Девчонка, сидевшая позади них, стала объяснять, что ей из-за длиннющего Жоркиного роста ничего не видно. Тогда Жора немного отодвинулся от Валерика, чтобы девчонка могла смотреть в просвет между ними. И рука Валерика соскользнула с Жориного плеча. Мне стало легче. Может быть, это Дед-Мороз нарочно посадил сзади такую маленькую девчонку?

«Ну ничего, Валерик, – думал я. – Скоро, буквально через каких-нибудь полчаса, ты поймешь, кто больше заслуживает уважения: я или твои новые приятели!»

Мне казалось, что увертюра, которую исполнял оркестр, стала гораздо длиннее, чем была, что медведи катались на самокатах гораздо дольше, чем в первый раз, и что укротитель в клетке гораздо медленнее готовил своих тигров к прыжкам сквозь горящие обручи.

– Сколько можно смотреть на этих зверей! – тихонько ворчал я. – Зоопарк здесь, что ли? Сколько можно слушать эту музыку! Концерт здесь, что ли?

– Все-то тебе не нравится, – рассердилась женщина, сидевшая рядом. – Вышел бы сам на арену да и выступал!

Она и представить себе не могла, что я через несколько минут действительно появлюсь на арене.

И вот наконец раздалось: Сегодня в цирк вы пришли не зря: Увидите клоуна-богатыря!

«Не знаю, как другие, а уж я-то, по крайней мере, пришел не зря. Это точно!» – говорил я сам себе, аплодируя клоуну. И все ему хлопали. Даже Валерик, который не любил выражать восторгов, и тот неторопливо, както по-своему, не сгибая пальцев, аплодировал циркачу-геркулесу. Ассистенты, отдуваясь на каждом шагу, опять приволокли гигантские гири.

Никто на всей планете

Не сдвинет гири эти!

Может быть, вы не верите?

Может быть, вы проверите?

Весь ряд, в котором сидели мои приятели, первым задрал руки вверх. Только один Валерик не рвался проверить клоуна... Жорина ручища тянулась ввысь, как семафор. Но хоть она была длиннее всех, клоун-богатырь ее не заметил. Взгляд его опять совершенно «случайно» наткнулся на мою руку.

После первого представления клоун за кулисами сказал мне:

– Не лети на арену как угорелый: это может вызвать подозрения. Веди себя естественней!

И я попытался вести себя естественнее. И не спеша поднялся со своего стула и робко спросил:

– Вы вызываете меня?

– Ну да, тебя!

– Именно меня?

– Тебя! Тебя, мальчик!

– И я могу спуститься вниз, на арену?

– Можешь!

– А мое место тут без меня не займут?

– Никто его не займет...

Но я все-таки обратился к своей соседке так, чтобы слышали все кругом:

– Покарауйте, пожалуйста, мое место!

Только после этого я медленным шагом сошел вниз, на арену. Весь ряд, в котором сидели мои приятели, вытянул шеи вперед и замер.

– Устами младенца, как говорится, истина глаголет! – объявил клоун. – Вот мальчик, по имени... Как тебя зовут?

– Петей.

– Сейчас мальчик, по имени Петя, скажет нам всем: можно ли поднять эти гири! Или хоть чуть-чуть сдвинуть их с места!

«Ничего!.. Сейчас ты, Валерик, начнешь уважать меня. И вы, мои дружки-приятели, тоже», – подумал я. И стремительным рывком поднял гари вверх!..

Наступила абсолютная тишина.

И вдруг среди этой тишины загремел голос клоуна-богатыря:

– Перед нами – феноменальный ребенок! Ребенокбогатырь!.. Родители мальчика в зале? Я хочу, чтоб они по праву разделили успех своего сына, его триумф. Но раз он пришел один...

– Он не один! – завопил ряд, в котором сидели мои приятели. – Это наш Петя! Он живет в нашем дворе! Он учится в нашей школе!..

– Ага, значит, здесь присутствует коллектив, в котором, как говорится, рос и развивался наш юный рекордсмен по поднятию тяжестей?

– Он с нами! – вопил коллектив. – Это наш Петя!

– Чтобы вы по достоинству оценили богатырскую силу этого мальчика, – перекрикивая всех моих друзей, продолжал клоун, – мы сейчас вызовем двух самых крепких, самых плечистых мужчин! Первых попавшихся... Ну, хотя бы вот этих!

Но не тут-то было... Десятки зрителей со всех концов зала ринулись на арену: они хотели потрогать гири, которые я так легко поднял ввысь. «Неужели в зале столько „подсадок“? – подумал я. – Нет, не может быть... Значит, это самые обыкновенные зрители. Какой ужас! Что сейчас будет?»

– Стойте! Остановитесь! – воскликнул я так громко, как не смог бы, наверно, крикнуть даже сам клоун-богатырь. – Сейчас я покажу вам еще один номер. Но если хоть один выбежит на арену, все пропало...

– Стойте! Остановитесь! – воскликнул я так громко, как не смог бы, наверно, крикнуть даже сам клоун-богатырь. – Сейчас я покажу вам еще один номер. Но если хоть один выбежит на арену, все пропало...

Те, что бежали, замерли в проходах между рядами.

– Подождите минутку! – предупредит я. – Одну минутку! Мне нужно сбежать за кулисы!.. И тогда вы увидите такой номер, какого никогда не видали!..

– Что ты еще придумал, негодяй? – еле слышно прохрипел сквозь маску клоун-богатырь. Мне казалось, что он вот-вот упадет в обморок.

Я выбежал за кулисы и, задыхаясь от волнения, спросил у женщины в форменном костюме с двумя серебряными полосками на рукаве:

– Где тут у вас телефон?

– Во-он там, на столике, где сидит дежурный пожарник!

Не спрашивая разрешения у пожарника, я набрал две двойки.

– «Стол заказов» слушает! – ответила Снегурочка.

– Я хочу, чтобы гири стали тяжелыми! Чтобы никто не смог их поднять!..

– Принимаем заказы только на развлечения.

– Но тогда развлечение превратится в мучение... Сделайте, пожалуйста, в порядке исключения!

От волнения я вдруг, как клоун-богатырь, заговорил стихами. И это подействовало на Снегурочку.

– Заказ принят! – сказала она. – Номер заказа: три дробь семь.

Вернувшись на арену, я скомандовал:

– Теперь проверяйте! Бегите, бегите сюда... Попробуйте поднять эти гири!

– А где же обещанный номер? Где номер?..

– Номер отменяется! В следующий раз... – пообещал я. А сам подумал: «Сейчас-то и будет главный номер программы!»

Первыми на арену ворвались ребята с нашего двора. А вслед за ними – незнакомые мне мужчины, женщины, мальчишки и девчонки. Все стали хвататься за гири, но – о, чудо! – никто не мог их поднять! Я, будто случайно, толкнул ногой одну гирю – и почувствовал, что она налилась неприступной тяжестью и словно бы приросла к полу. Сказка пришла мне на помощь! Но как же теперь поднимет эти гири сам клоун-богатырь?

– Я не могу работать в такой обстановке! – прогремел он на весь цирк. И, гордо вскинув свою свирепую голову, ушел за кулисы.

– Никто не может сдвинуть гири с места, а ты смог! Ты смог! – обнимали меня дружки-приятели. Они подняли меня на руки и потащили в тот ряд, где сидели сами.

– Куда же вы его? – закричала моя бывшая строгая соседка. – Я сберегла его место!..

Ей хотелось сидеть рядом с ребенком-богатырем. Но ребята унесли меня к себе. Мишка и Жора теснились теперь на одном стуле, а я сидел на бывшем Жорином месте, прижавшись плечом к Валерику.

– Вот что значит курс лечения! – с завистью сказал Мишка. – Мы ходим в школу, зубрим, с утра до вечера расходует свои силы. А он сберегает их! Накапливает!.. Вот бы мне кто-нибудь прописал такой «курс»!

– Да, здорово было бы! Если бы и нам тоже. Эх, хорошо было бы! – вздыхали и другие ребята.

Сзади и спереди ко мне потянулись руки: все хотели пощупать мои мускулы.

– Вы ничего не почувствуете: они в расслабленном состоянии, – сказал я. – Отдыхают!

Валерик молчал. А вечером во дворе он подошел ко мне и вполголоса, но повелительно произнес:

– Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха! Гири были фанерные? Или из какого-нибудь там папье-маше?

Я хотел сказать, что гири были настоящие, что ни один человек в цирке, кроме меня, не смог их поднять. Но язык не слушался меня, голос куда-то пропал. И я не сумел соврать. Первый раз в жизни хотел – и не сумел! Наверно, Валерик меня загипнотизировал...

Только уже дома голос ко мне вернулся. Тогда я набрал две двойки и торопливо, взволнованно заговорил в трубку:

– Я вас очень прошу... Я просто умоляю: заколдуйте, пожалуйста, Валерика! Чтобы он восхищался мною, как все!

– Это невозможно, – ответила Снегурочка.

– Но ведь воля каникуляра должна быть для вас законен!

– Да, это верно. Но тут мы бессильны.

– Почему?!

– Я не могу объяснить.

– Из-за его сильной воли, да?

– Нет, дело совсем в другом.

– В чем?

– Не могу объяснить...

– Это тайна?

Снегурочка повесила трубку. Почему Валерик не поддавался Деду-Морозу? Почему он был неподвластен сказке?

Да, это была тайна. И такая, что даже каникуляру не имели права ее раскрыть...

## **ПРОКАЗНИЦА-МАРТЫШКА, ОСЕЛ... ДА КОСОЛАПЫЙ МИШКА**

Не подумайте только, что я плохо помню те строки из басни Крылова, которые очень похожи на название этой главы. Басню я учил в школе, а то, что я учил там, запомнилось на всю жизнь...

У Крылова написано: «Проказница-Мартышка, Осел, Козел да косолапый Мишка», но я козла пропустил. И не потому, что забыл о нем, а просто потому, что... Впрочем, об этом вы узнаете немного позже.

А сейчас я хочу рассказать о том, что было после моего выступления на цирковой арене.

Все ребята стали просить меня поднять что-нибудь тяжелое. И все теперь обращались ко мне очень вежливо и уважительно.

– Петя, подними, пожалуйста, скамейку в садике, – просил один.

– Петя, там, на улице, стоит инвалидная коляска... Подними ее, если не трудно.

– Мне не трудно, – отвечал я. – Но просто не хочется расходовать силы. Вот если будет что-нибудь важное... Какой-нибудь особый случай!

Мишка-будильник попросил меня однажды:

– Петя, подними, пожалуйста, меня и поддержи в воздухе минут пять. Это как раз очень важно: я поспорил с ребятами из соседнего двора. Они не были в цирке и не верят.

На этот раз меня случайно выручила мама. Она высунулась в форточку и тем же голосом, каким раньше звала: «Домо-ой! Пора делать уроки!» – категорически приказала мне сверху:

– Домо-ой! Пора смотреть телевизор!..

Простите, телевизоров тогда еще не было... Я вспомнил, мама крикнула мне сквозь форточку:

– Домо-ой! Пора слушать патефон!

У нас был синий облезлый ящик, который шипел и кряхтел от старости. Я любил по десять раз в день слушать одну и ту же пластинку. Раньше мама возмущалась, что я даром теряю время.

– Перемени пластинку! – заявляла она. – Почитай лучше книгу. Или раскрой учебник.

А теперь мама сама смело крутила тугую ручку, хотя знала, что ручка иногда со стремительной силой раскручивалась в обратную сторону.

– Ты стал недопустимо пренебрегать патефоном! – говорила она. – Смотри у меня!

После истории в цирке Мишка-будильник начал упрямо допытываться, где, в какой поликлинике мне прописали такой замечательный «курс лечения». Мишка вообще был завистливым пареньком, а тут уж прямо места себе не находил.

– Скажи: что нужно глотать, чтобы набраться такой силищи? Порошки, да? Пиллюли, да?.. Ведь этот твой «курс лечения» можно и самому себе дома устроить, а? Скажи, Петька... А я тебе буду всегда сообщать точное время! Хочешь? Сейчас девятнадцать часов – ровно!

– Ничего я тебе не скажу: это страшная тайна!

– Боишься, что я стану сильнее тебя, да? А ты мне столько этих пиллюль дай или порошков, чтобы я тоже стал сильным, но все-таки был в два или даже в три раза слабее тебя, – торговался Мишка. – Мне и этого будет достаточно. Ты можешь сразу две гори поднять, а я пусть смогу только одну. Мне и этого хватит! А, Петька?..

Ребята рассказывали обо мне легенды. Через несколько дней в соседнем дворе уже знали, что я поднял в воздух самого клоуна-богатыря, у которого было две гари в руках, одна – в зубах, одна – на голове и две – под мышками.

И только Валерик по-прежнему мною не восторгался. А я так хотел этого!

Мне так хотелось, чтобы он забыл о фанерных гирих и о моем позоре на хоккейном поле, чтобы он стал уважать меня чтобы ему снова, как прежде, хотелось видеть меня чаще, чем всех остальных ребят в нашей школе и в нашем дворе.



И я решил, что надо тайно провести Валерика в Дом культуры медицинских работников. Пусть он увидит, как для меня одного поют певцы, и танцуют танцоры, и показывают фокусы фокусники. Ведь всякое торжество – только наполовину торжество, если его не могут оценить другие.

Пусть же Валерик увидит, как сам Дед Мороз вручает мне призы! И пусть другие ребята тоже присутствуют в зале в эту минуту моего торжества! Может быть, не все, но хотя бы Жора и Мишка-будильник.

«Вот только как же они туда пройдут? – думал я. – У них же нет постоянной прописки на моем елочном празднике. И даже временной тоже нету. А у дверей с вывеской „Ремонт“ меня встречает массовик дядя Гоша... Да и Снетурочка-паспортистка поглядывает, чтобы никто не проживал в Стране Вечных Каникул без прописки.»

А вывеска «Ремонт», конечно же, приколочена к дверям специально для того, чтобы посторонние не входили в Дом культуры, когда там для меня (для меня одного!) гремит духовыми оркестрами, заливается песнями и кричит вечно радостным голосом дяди Гоши Страна Вечных Каникул.

«Ни для какой нашей „Первой клюшки“ и „Первой бутсы“ не станет Дед-Мороз зажигать новогоднюю елку в феврале, – думал я. – А для меня зажигает!»

Как же сделать так, чтобы Валерик и Жора с Мишкой увидели это?

Как сделать?

Может быть, Дед-Мороз поможет мне... В порядке исключения?

Как сделать?

Может быть, Дед-Мороз поможет мне... В порядке исключения?

Я набрал две двойки.

– «Стол заказов» слушает! – ответила Снегурочка.

– Я хочу, чтобы мои приятели попали в столицу Страны Вечных Каникул – в Докмераб на Елку!

– Обслуживаем только каникуляров.

– А если... в порядке исключения?

– Обратись непосредственно к Деду Морозу. Соединяю!

И я обратился.

– Не могу, – ответил Дед-Мороз так решительно, как не отвечал еще никогда. – Я дисциплинированный волшебник. И не могу устраивать Елку в феврале. По всем законам этот праздник заканчивается в последний день зимних каникул. Для каникуляра я могу продлить... Потому что его каникулы никогда не кончаются и не имеют последнего дня. Это другое дело! Но для нормальных ребят...

– Как это для «нормальных»? А я разве сумасшедший?

– О нет! Ты просто... не совсем обычный. Для тебя я обязан делать все, что ты пожелаешь.

– А если... в порядке исключения? – настаивал я.

– Хочешь, лучше поведу тебя самого в Музей изобразительных искусств? Или в Планетарий? Или на выставку мод?

В музее и Планетарии я уже бывал, а моды меня в то время еще не интересовали.

«В конце концов, мое дело пригласить, – решил я, – а пройти – это уж их дело! Недаром ведь Валерика называют фантазером: он что-нибудь придумает!»

И Валерик придумал...

Помню, как вечером у нас в коридоре раздались короткие, словно догоняющие друг друга, условные звонки, при звуке которых я всегда пулей срывался с места, но которых уже очень-очень давно не слышал. Моя мама любила Валерика, но в тот вечер она, кивнув в мою сторону, строго сказала:

– Он еще сегодня не слушал радио! Скоро будет передача «Танцуйте вместе с нами!», а затем концерт легкой музыки. Не отрывай его от приемника!

В Доме культуры я должен был петь хором и ходить хороводом, а тут еще – танцевать!

– Я только на два слова, – сказал Валерик. И сразу обратился ко мне: – Ты говорил, что туда, в Дом культуры, приходят артисты?

– Много артистов! Одни поют, другие танцуют, третьи прыгают мартышками и топают медведями...

– Вот это – самое главное!

– Что?..

– Мартышки и медведи!

– Почему?

– Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха! Потому что у нас есть три маски: мартышки, медведя и осла. Мы их наденем и пройдем в Дом культуры!

– Но ведь все артисты – взрослые. Дядя Гоша вас сразу заметит.

– «Жора, достань билетик!» выше любого взрослого. Ты согласен? А мы пройдем как его помощники. Он уж там пробасит что-нибудь такое, абсолютно взрослое. И мы все будем в масках!

– Это замечательно! – воскликнул я. – Только приходите чуть-чуть пораньше: артисты собираются до начала. И еще учтите, что массовик дядя Гоша всегда прямо на улице, у входа, меня встречает. А вход возле самой троллейбусной остановки. Так что вы из троллейбуса выскакивайте уже в замаскированном виде!

– В каком?

– То есть в масках, я хотел сказать. А то дядя Гоша сразу заметит, что и Жора тоже никакой не взрослый артист.

– Ладно, – сказал Валерик. – Мы придем. В следующее воскресенье.

– Может быть, завтра?

– Извини, но мы должны идти в школу.

– Ах, я совсем забыл!

– Тем более, что мы готовимся к одному важному дню!

– Ко дню открытия...

– Откуда ты знаешь? – перебил Валерик.

– Я все знаю!..

– Начинается передача «Танцуйте вместе с нами!», – раздался требовательный мамин голос.

И я поплелся танцевать. А мне так хотелось обсудить с Валериком все детали предстоящей операции «Три маски», или «Проказница-мартышка, осел... да косолапый мишка»! И, между прочим, выведать: что же такое они там собираются открывать?..

## **НЕРАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА**

В тот день я на своем персональном троллейбусе подкатил к Дому культуры медицинских работников немного раньше обычного: мне хотелось посмотреть, как мои приятели в масках будут переходить границу Страны Вечных Каникул.

На охране границы, как всегда, стоял массовик дядя Гоша. Увидев меня, он удивился:

– Так рано? У нас еще артисты не в полном сборе.

– Хочу немного подышать свежим воздухом, – ответил я. – Что-то меня в троллейбусе укачало.

– Расстрясло, наверное, – посочувствовал дядя Гоша. – Понятное дело: пустой вагон!

Я стал прогуливаться возле входа, широко раздувая ноздри, втягивая в них холодный воздух и время от времени охлаждая лоб комочками снега: дядя Гоша с сочувствием смотрел, как я прихожу в себя. Но прогуливался я недолго. Вскоре из переполненного троллейбуса, остановившегося возле Дома культуры, выкатились три моих приятеля в масках. Выходившие вслед за ними пассажиры громко возмущались:

– Без-зобразие! Ребенка напугали!

В троллейбусе плакала девочка.

– Какого ребенка! Я сама чуть не получила разрыва сердца – повернулась и вижу: медведь!..

Жора в маске медведя выглядел абсолютно взрослым: он был на полголовы выше массовика.

Дядя Гоша стал отмечать что-то в своем блокноте:

– Та-ак, хорошо! Один медведь пришел! Ослов у нас, помнится, вчера не было... И мартышек...

Он пристальным взглядом окинул невысокого Валерика в маске осла и Мишку Парфенова, изображавшего проказницу-мартышку.

– Это со мной: из детской самодеятельности! – пробасил Жора.

– Не могли, что ли, за кулисами загримироваться?

– Мы с другой Елки: опаздывали и не успели переодеться, – не своим голосом басил Жора.

– Какие еще Елки в феврале?!

Я в этот момент ахнул и схватился за виски...

– Тебе плохо? – всполошился массовик: он берег единственного в мире каникуляра.

Ребята скрылись в подъезде Дома культуры. И мне както сразу полегчало.

Когда в вестибюле грянул оркестр, я шепнул своим друзьям:

– Слышите? Для меня одного!

И взглянул на Валерика. Но его ослиная маска ничего не выражала: ни восторга, ни удивления.

Конечно, я давно уже мог попросить Деда-Мороза переменить программу елочного представления, показать мне что-нибудь новенькое. Но я боялся: а если в другой программе не будет знаменитых соревнований, которые я так привык выигрывать? И не будет призов, к которым я тоже очень привык!

Когда с белокаменной лестницы ринулись мне навстречу лисы, зайцы и скomorохи, я снова шепнул:

– Видите? Все для меня одного!

К Жоре подбежал дядя Гоша:

– Ты, медведь, из какой концертной организации? Почему стоишь со своим ослом из детской самодеятельности на одном месте? И с мартышкой тоже... Почему не работаете?

– Мне очень приятно, что они стоят рядом, – сказал я. – Это меня очень развлекает!

Дядя Гоша виновато отступил:

– Твое слово для нас – закон!..

– Видишь, как он меня слушается? – шепнул я Валерику. – Что захочу, то и будет делать!

Но ослиная физиономия даже не дрогнула. «А что там, за масками? – думал я. – Наверно, в себя не могут прийти от восторга и удивления!»

Но, поднявшись в фойе Дома культуры, осел, медведь и мартышка пришли в себя очень быстро. Прежде всего, вместо того чтобы развлекать меня, они сами взобрались на деревянных карусельных коней и стали кружиться. Потом они скатились вниз с деревянной горки... Но внизу их уже поджидали разные «звери» из концертных организаций:

– Мы работаем, а вы катаетесь! Развлекаться сюда пришли, что ли?

Конечно, мои друзья пришли развлекаться. Ненаходчивый Жора ответил:

– Это он нас попросил. «Мне, говорит, самому надоело кружиться и кататься: хочу посмотреть, как у вас получится!»

– Да, – подтвердил я, – это так интересно: смотреть, как другие катаются!

– Ну, если тебе интересно, тогда другое дело: все для твоего удовольствия!

И я после этого сразу попросил моих друзей пойти пострелять в тире: мне это тоже было очень приятно! А потом они сами стали ко мне обращаться:

– Ты просишь нас посмотреть мультфильмы? Ты просишь нас сбегать в комнату сказок?

И я просил!

«Как это здорово! – думал я. – Все зависит от моего желания: захочу – и будут кататься, захочу – и увидят фильмы!..»

А потом начался концерт. И мне показалось, что я не слышал накануне этих песен и не видел этих танцев... Все было как-то по-новому, потому что со мной в зале сидели мои друзья.

Но друзьям не сиделось. И когда Дед-Мороз объявил знаменитые соревнования – «Кто всех быстрее? Кто всех ловчее? Кто всех умнее?», – все трое подняли руки, словно они были в классе и хотели ответить на вопрос учительницы.

Этого, конечно, я предвидеть не мог.

– Странные какие-то звери, – негромко сказал ДедМороз своему помощнику дяде Гоше. – В одних масках, без шкур...

– Это не профессиональные звери, – пояснил массовик. – Они из самодеятельности.

– Ах, так? Тогда объясните им, что в соревнованиях могут участвовать только каникуляры и каникулярки: мы здесь работаем, а не развлекаемся.

– Помоги нам, – умоляюще прошептала мне в ухо проказница-мартышка. Казалось, она вот-вот расплачется Мишкиными слезами. – Заступи-ись... Ведь ты здесь всесильный!

Я вскочил со своего места:

– Меня бы очень развлекло, если бы они приняли участие в соревнованиях. Я получил бы от этого огромное удовольствие! Просто наслаждение!..

– Просьба каникуляра для нас – закон!

Как жалко, что я в тот момент не мог одернуть с Валерика его ослиную маску: мое слово было законом для Деда-Мороза! Для самого повелителя всех елочных праздников, при одном появлении которого дети начинают прыгать и вопить не своим голосом. Неужели и это не поразило моего лучшего друга? Неужели?!

Дед-Мороз застыл с секундомером в руке возле елки, а я, как всегда, оседлал «старого, но боевого коня», пришпорил его и поехал по кругу.

Я именно не помчался, как в тот первый день, а всегонавшего поехал, потому что за полмесяца я привык уже, сидя на кожаном велосипедном седле, еле-еле шевелить ногами. «Быстрее, быстрее!» – подгонял я самого себя: мне вдруг очень захотелось выиграть у своих друзей самому, без помощи волшебной силы! Но «старый конь» не слушался меня и «плелся рысью как-нибудь»...

Велосипед был один, и поэтому соревнующиеся садились на него по очереди. Вторым сел Жора. Он, конечно, был лучшим спортсменом из нас четверых, но велосипед был ему мал: Жорины ноги смешно сгибались в коленях, а колеса крутились не быстрее, чем у меня. С такими ногами Жоре было бы лучше всего соскочить на пол и просто побежать – он добрался бы до финиша гораздо скорее. Но по условиям соревнования нужно было не бежать, а ехать на велосипеде.

Валерик в маске осла тоже не продемонстрировал рекордной скорости. И первое место, таким образом, заняла проказница-мартышка.

– Тебе доставит удовольствие, если я вручу мартышке победный приз? – спросил Дед-Мороз.

– Я буду просто счастлив! Это так развлечет меня, так развлечет!.. – сказал я, хоть на самом деле мне было в тот миг не до веселья.

– Но ведь там пастила и шоколадная медаль...

– И пряники! – радостно подхватил я. – Пусть мартышка получит все это. Я нарочно проиграл соревнование, чтобы она могла полакомиться в свое удовольствие. Или, вернее сказать, в мое удовольствие!

– Как это – нарочно проиграл? – запротестовала мартышка голосом Мишки-будильника. – Тогда давай переиграем!

– Сразу видно, что это не профессиональная мартышка, – шепотом утешил меня дядя Гоша. – Настоящие мартышки никогда не спорят со зрителем. Тем более с каникуляром!

«Какая неблагодарность! – думал я. – Только что умолял помочь допустить до соревнований... А теперь осмелел: „Давай переиграем!“»

Переигрывать мы, конечно, не стали, и Мишке был вручен бумажный пакет.

А потом дядя Гоша установил свои металлические обручи и стал по очереди завязывать нам глаза.

«Может, подбежать к Деду-Морозу, – подумал я, – и тихонечко шепнуть ему на ухо: „Очень хочу быть всех ловчее и всех умнее!“ Или, может быть, спуститься вниз к телефону-автомату, набрать две двойки и попросить о том же самом Снегурочку?» Ее не было на празднике, Дед-Мороз объявил, что его внучка захворала, то есть стала немного подтаивать, и что он положил ее на лечение в холодильник... Но я-то знал, что она просто дежурит в «Столе заказов». Не позвонить ли туда?

Нет, мне почему-то упрямо хотелось испытать свои собственные силы и выиграть без помощи волшебства! Я вступил во второе соревнование...

Наш Жора бегал с завязанными глазами лучше, чем с развязанными. Он сразу проскочил через три кольца, не задев ни одного. Потом он зачем-то с завязанными глазами покачался на турнике, приготовленном для следующего акробатического номера. И, наконец, все так же, не снимая повязки, прошелся по залу на руках.

– Мне доставит огромное удовольствие... я развлекусь сразу на пять дней вперед, если ему будет вручен победный приз! – сказал я, чуть не плача, потому что сам умудрился свалить три кольца из трех возможных.

С укором поглядывал я на Деда-Мороза и его помощника дядю Гошу: «Приучили меня соревноваться с самим собой. И побеждать без всякой борьбы... Приучили! Но зато в третьем соревновании я все равно окажусь впереди: загадки и отгадки мне хорошо известны!»

– Кто всех умнее! – провозгласил Дед-Мороз.

Дядя Гоша обвязал свою лысину чалмой, принял величавую позу факира и начал:

– Два кольца, два конца, а посередине гвоздик!..

Мы все трое отгадали все три его загадки.

Проказница-мартышка, осел да косолапый мишка не давали мне хоть на секунду опередить себя: они выкрикивали ответы в один голос со мной. Невесело было мне на этом елочном празднике: «Хороши товарищи! Я их пригласил, помог пройти без билета... И вот благодарность!»

Как в ответственном футбольном матче, где в случае ничейного исхода дается дополнительное время, дядя Гоша предложил нам четвертую, дополнительную загадку.

Скрестив руки на груди, дядя Гоша продекламировал:

С длинной-длинной бородой,  
Бородой почти седой,  
С нами в праздник очень дружен,  
Всем нам в праздник очень нужен...  
Дайте быстро мне ответ:  
Как зовется сей предмет?

– Дед-Мороз! – дружно выкрикнули мы с Жорой и Мишкой Парфеновым.

– Обычная ошибка! – торжествующе ответил дядя Гоша. – В том-то и тонкость и остроумие этой загадки, что не Дед-Мороз!..

– Извини... Но разве Дед-Мороз – это предмет? – шепнул мне сквозь свою ослиную маску Валерик.

– Одушевленный предмет! – возразил я.

– С каникуляром спорить не полагается, – одернул Валерика дядя Гоша. – Облегчаю загадку: даю наводящую рифму... Внимание!

Дайте быстро мне ответ:

Как зовется сей предмет?

Но подумайте сначала!

Сей предмет зовут...

– Мочало, – спокойно сказал Валерик.

– Молодец, осел! – воскликнул дядя Гоша. – Хоть и из самодеятельности, а молодец!

– Но почему же только в праздник сей предмет «нам очень нужен»? – тихо спросил я у Валерика.

– Наверно, дядя Гоша моется только по праздникам, – шепотом ответил он.

Итак, медведь оказался ловчее меня, осел – умнее... А мартышка лучше меня каталась на велосипеде.

По дороге домой Мишка начал допытываться:

– Слушай, Петя, а что такое «каникуляр»? Так тебя называли на Елке, я слышал... Это происходит от названия твоей болезни, да?

– Какой болезни?

– Ну... ты ведь проходишь курс лечения. Так вот от названия той самой болезни, от которой тебя лечат... Да?

Знаешь, человека, у которого больное сердце, называют «сердечником», у которого печень – «печеночником»... У меня дядя – «печеночник». А ты, значит, «каникуляр», да? Но как же тогда называется твоя болезнь?

Я не отвечал. Вид у меня был мрачный. И тогда Жора с Мишкой стали меня утешать:

– Вот если бы Дед-Мороз устроил соревнование «Кто всех сильнее?», ты бы нас сразу победил. Положил бы на обе лопатки!

– Вот если бы нужно было поднимать гири, а не прыгать сквозь кольца, ты бы сразу занял первое место!

Валерик молчал. Он не возражал ребятам, не спорил с ними. Хоть Дед-Мороз не мог заставить его поверить в мою силу, как он заставил Жору и Мишку. Я знал об этом, и мне было стыдно перед своим лучшим другом.

«Но почему же он не поддается волшебной силе? Почему?! Даже папа, который всегда был за „беспощадное трудовое воспитание“, и тот поддался. Даже маму, которая изобрела знаменитый закон „прямой пропорциональной зависимости развлечений от отметок в дневнике“, и ту удалось заколдовать. А к Валерику Дед-Мороз даже не подступает... И дело, как мне сообщила

Снегурочка, вовсе не в сильной Валеркиной воле. А в чем же тогда дело? В чем?!» Это была загадка, которую я никак не мог разгадать...

## **МАМА ПРОПИСЫВАЕТ ЛЕКАРСТВО**

Однажды мама позвала меня домой со двора (хотя патефон я в тот день уже успел послушать), закрыла за мной дверь и как-то очень озабоченно сказала:

– Я должна серьезно поговорить с тобой, Петр! Очень серьезно!

– О чем? – испуганно спросил я.

– Меня тревожит одно обстоятельство...

– Какое?

– Ты редко ходишь в кино!

Я молчал... А мама взволнованно продолжала:

– Ну сколько раз в месяц ты ходишь на кинокартины?

Я никогда этого не подсчитывал, но все же ответил маме:

– Три или... четыре раза.

– Это недопустимо мало! Отныне ты будешь смотреть по одной картине в день, после обеда...

Мама говорила так, будто речь шла о пилюлях или о микстуре. Я видел, как на лекарствах, которые она сама приносила из аптеки, было написано: «Принимать по одной таблетке, после еды».

А теперь я «после еды» должен был в обязательном порядке принимать по одному кинофильму. Только волшебник самой высшей квалификации мог заставить мою маму прописать мне такое сказочное лекарство!

"Такое лекарство, – думал я, – любой согласится принимать и до еды, и после еды, и даже во время еды!..

Вероятно, Дед-Мороз удивлен, что я еще ни разу не попросил его отправить меня в кино, и вот решил сам через маму доставить мне это удовольствие!"

Чтобы скрыть свою радость, я сказал:

– Но где же я найду столько новых картин?

Чтобы скрыть свою радость, я сказал:

– Но где же я найду столько новых картин?

– Ничего, – ответила мама. – Некоторые можно смотреть по нескольку раз. К тому же, есть ведь еще и старые, которые ты не успел посмотреть. У тебя не должно быть никаких пробелов!

– Хорошо... Я буду смотреть и старые тоже, – сказал я таким тоном, будто мама дала мне очень трудное задание, но я готов был выполнить его, несмотря ни на что.

– Учти: я буду проверять, не прогуливаешь ли ты киносеансы, не пропускаешь ли каких-нибудь фильмов! Смотри у меня!

Раньше мама проверяла, не прогуливаю ли я школу, не пропускаю ли занятия, а теперь...



– Чтобы я была спокойна и уверена, что ты, Петр, не пренебрегаешь своими обязанностями и добросовестно ходишь в кино каждый день, – продолжала мама, – тебя будет проверять Дашенька. Или, вернее сказать, тетя Даша.

– Какая тетя Даша?

– Это подруга моей юности. Она на днях поступила билетершей в новый кинотеатр, который открылся у нас за углом...

– В «Юный друг»?

– Да, она работает в «Юном друге». Туда трудно достать билеты, но у Дашеньки есть свой служебный стул, и ты будешь просиживать на этом стуле каждый день... Хотя бы в течение одного сеанса. Как минимум. Петя!

– А можно, я буду ходить в кино через день, но зато вдвоем с Валериком?

Увы, Дед-Мороз продолжал быть дисциплинированным волшебником: он обслуживал только каникуляров!

– У Дашеньки один служебный стул, – ответила мама.

– Мы будем сидеть друг у друга на коленях: полсеанса он у меня, а полсеанса я у него... Мы один раз уже так сидели!

– Ну, если Валерик захочет...

Я побежал к Валерику. Дело в том, что в кино мы с ним почти всегда ходили вместе. А потом долго обменивались впечатлениями, иногда спорили. Я спорил громко, размахивая руками, а Валерик отвечал вполголоса, как бы сам с собой беседуя и рассуждая. С годами я понял, что чем, человек меньше знает и меньше видел, тем он самоувереннее. Конечно, Валерик тоже бывал не прав, но я понял, что истине не нужно быть крикливой немногословной: ее, в конце концов все равно не могут не услышать и не признать.

– Теперь мы будем ходить в кино через день! – прямо с порога заявил я Валерику. – Совершенно бесплатно. Мы будем сидеть на служебном стуле тети Даши!

Валерик слегка удивился, но не обрадовался. И даже не поинтересовался, кто такая тетя Даша.

– Ты извини меня... Но я не могу ходить через день, – ответил он.

Валерик любил извиняться. И еще он любил слова, которые я лично употреблял очень редко: «простите», «пожалуйста», «будьте добры».

– Почему ты не сможешь? – удивился я. – Ты когданибудь сидел на служебном стуле?

– Нет...

– И я тоже. А теперь мы можем сидеть на нем через день!

– Но у меня просто не будет времени.

– Чем это ты так занят?

– Контрольная скоро будет. А во-вторых...

– Что «во-вторых»?

– Ты же знаешь... Мы все готовимся ко дню открытия...

– Чего?

– Не могу сказать... Но сейчас вот, например, нам всем очень нужно попасть в зоопарк.

– В зоопарк? Зачем?

– Извини, но этого я тебе тоже не могу сказать...

– Ну, и идите в свой зоопарк! Звери вас ждут не дождутся!

– Не можем мы к ним попасть, к сожалению.

– Почему же не можете?

– Закрыт зоопарк: не то на ремонт, не то на учет.

– И вы не можете туда попасть?

– Не можем.

– Ха-ха!

С этим загадочным восклицанием я удалился домой. А там сразу же схватился за телефонную трубку. И набрал две двойки.

– «Стол заказов»!

– Мне очень хочется завтра попасть в зоопарк!

– Заказ принят.

– И чтобы вместе со мной туда пошли Валерик и другие мои товарищи.

– Обслуживаем только каникуляров.

– А если в порядке исключения?..

– Соединяю с Дедом-Морозом!

Выслушав мою просьбу, Дед-Мороз задумчиво произнес:

– В зоопарк?.. Вместе с товарищами? Ну что ж. Кстати, им, кажется, нужно туда попасть...

– Зачем?! – громко крикнул я в трубку.

– Я дисциплинированный волшебник и не могу рассказывать каникуляру о школьных делах: это может утомить его. А он должен только отдыхать и развлекаться. У сказки – свои законы!

«Сколько раз можно повторять это?!» – мысленно воскликнул я.

– Заказ принят, – раздался в трубке голос дед-морозовской внучки. – Приняла и оформила Снегурочка. Номер заказа: четыре дробь семь!

## **ХОЧУ БЫТЬ ЮНУКРОМ!**

Когда я на своем персональном троллейбусе подъехал к зоопарку, ребята были уже там, возле входа.

– Ты зачем приехал? – удивился Валерик.

– А вы зачем пришли? Ведь зоопарк закрыт.

Я сделал вид, будто не знаю, что их всех привел сюда по моему личному указанию, или, точнее сказать, по моей просьбе, волшебник Дед-Мороз.

Валерик ничего не ответил. Он с грустью смотрел на фанерную дощечку, висевшую на воротах: «Зоопарк закрыт на учет».

– А ты заметил, как я сюда приехал? – не отставал я от Валерика.

– Как? По-моему, на обыкновенном троллейбусе.

– Это по-твоему на обыкновенном! Ты не обратил внимания, что я ехал один?

– Но ведь в одиночку перевозят только больных... или, прости меня, ненормальных. Разве ты... – Он посмотрел на меня каким-то неприятно внимательным взглядом.

«Не поддается... Опять не поддается волшебству! – горестно подумал я. – Но почему?! Его в троллейбусах толкают, наступают ему, на ноги, а я еду один и свободно могу переходить с места на место! И Елку для меня в феврале устраивают. И гири я в цирке поднял... Неужели он не понимает, как это прекрасно?!»

Валерик снова кивнул на фанерный плакатик «Зоопарк закрыт на учет».

– Бегемотов пересчитывают... – сказал он. – Мы бы им помогли считать, лишь бы нас туда, внутрь, пустили.

– Вам очень нужно?

– Очень.

– Та-ак... Попробуем что-нибудь предпринять.

И в ту же минуту (в сказках все чудеса совершаются «в ту же минуту» или «в ту же секунду») из калитки, что была возле ворот, выскочил мужчина в очках, бросился прямо ко мне и представился так, будто объявил артиста, выступающего на сцене:

– Экскурсовод зоопарка Львов!

В ответ я назвал свою фамилию и крепко пожал руку экскурсоводу. Очки в толстой роговой оправе и с толстыми стеклами казались непомерно большими и тяжелыми для его узкого, щупленького лица. Эти очки светились такой ни на миг не угасающей приветливостью, что у меня даже зарябило в глазах.

– Будем говорить по-русски? – спросил меня Львов.

– Да... пожалуй, – ответил я.

– А какой язык является государственным в той стране, откуда вы прибыли?

Я замаялся. Промычал что-то невнятное. Но потом нашелся и выпалил:

– Язык веселья и развлечений!

– Это чудесный, весьма привлекательный язык! – воскликнул экскурсовод Львов. – Зоопарк, как вы могли заметить, закрыт для проведения некоторых мероприятий учетного характера, но для посетителей из других стран, которые едут и могут вообще никогда не увидеть наши редчайшие экспонаты, мы делаем исключение.

Экскурсовод так привык общаться с представителями других стран, что сам говорил, мне казалось, с иностранным акцентом. По крайней мере, он произносил слова чересчур четко, как говорят люди, недавно выучившие язык. А может быть, он произносил каждое слово так нарочито ясно, как бы отдельно от других, для того, чтобы его лучше понимали.

– Вы прибыли к нам из Страны...

– Вечных Каникул! – торопливо прошептал я в самое ухо экскурсовода.

Очки засверкали такой радостью, таким гостеприимством, будто Страна Вечных Каникул была родной или, по крайней мере, любимой страной экскурсовода.

– Сейчас перед вами будут плавать, летать, ползать, бегать, петь и рычать широты всего земного шара! – торжественно и заученно провозгласил экскурсовод, пропуская меня в калитку и показывая спину всем моим приятелям.

– А они?.. – растерянно поинтересовался я.

– Для вас мы делаем исключение! А они смогут посетить зоопарк дней через десять в любое удобное для них время.

– Но ведь они меня сопровождают!

– Ах, так? Тогда пожалуйста.

Очки сразу осветили гостеприимством и приветливостью всех моих приятелей. И я вошел в зоопарк в сопровождении Валерика, Жоры, Мишки-будильника и всех других, онемевших от изумления ребят.

– Где тут у вас катаются на осликах? – спросил я с тем подчеркнутым интересом, с каким, как я замечал, задают вопросы туристы.

– Хотя сейчас ослики тоже проходят переучет, мы специально для вас запрежем одного из них в санки.

– А упряжь осла, я надеюсь, будет с этими... Как они у вас называются?.. С бубенчиками? – все больше входил я в роль туриста.

Очки светились готовностью выполнить все мои пожелания. Но тут вмешался сопровождающий меня Валерик.

– Извини, пожалуйста... Но может быть, ты покатаешься потом? У нас ведь есть цело.

– Ах, оказывается, у сопровождающих меня друзей иные пожелания! – воскликнул я. – Что ж, не возражаю.

– Все экспонаты сейчас на зимних квартирах, – сообщил Львов. – Кого мы посетим в первую очередь? Хищников, птиц или...

– Лучше всего кроликов и белых мышей, – перебил его Валерик.

Экскурсовод Львов, видно, привык не удивляться. Он повел нас к мышам и кроликам с таким удовольствием, словно это были самые необычайно редкие экспонаты, прибывшие в зоопарк с самых дальних широт.

Когда мы вошли в помещение, экскурсовод сказал:

– Простите, здесь несколько спертый воздух, но ничего не поделаешь. Когда вы приедете к нам из своей страны летом, будет совсем другое дело: экспонаты переселятся на свежий воздух.

Валерик вытащил тетрадку, карандаш и начал задавать экскурсоводу вопросы. Он задавал их часа полтора подряд, не меньше. Гостеприимный блеск роговых очков начал даже немножко тускнеть. Но экскурсовод продолжал отвечать, все так же четко произнося каждое слово и обращаясь при этом только ко мне. Хотя вопросы-то задавал Валерик...

Я пропускал ответы Львова мимо ушей: мне не терпелось поскорей добраться до ослика с бубенчиками.

В Докмерабе, столице Страны Вечных Каникул, на осликах не катали. Поэтому я проехал на санках не меньше десяти кругов.

А потом стали кататься и сопровождавшие меня приятели...

Когда бедный ослик совсем замучился, мы закончили нашу экскурсию.

Экскурсовод Львов попросил меня одного снова зайти, на минутку в закрытое помещение. Там он протянул мне толстую красивую книгу в кожаном переплете.

– Сюда заносят свои отзывы и впечатления туристы из других стран, – сказал экскурсовод. – Напишите и вы что-нибудь теплое...

Я хотел прочитать отзывы и впечатления других туристов, чтобы написать что-то похожее. Но прочитать я не сумел, потому что свои впечатления они «заносили» в книгу на непонятных мне языках.

Я написал: «Прибыв из Докмераба, столицы Страны Вечных Каникул, я нашел в вашем зоопарке очень много любопытного!»

– А что произвело на вас наибольшее впечатление? – спросил экскурсовод.

Я дописал: «Наибольшее впечатление на меня произвел ослик с бубенчиками». И расписался.

Затем я попрощался с экскурсоводом.

– Если снова придете из своего Докмераба, заходите, пожалуйста, – сказал он. – Наши звери будут вас ждать!

Я в сопровождении своих приятелей покинул зоологический сад.

На улице я спросил ребят:

– Ну, как? Накатались? Может быть, хотите еще?

Больше ребята не хотели. Но на меня все они взирали с восхищением. Поняли, что такое каникуляр!

И только Валерик, не подчиняясь Деду-Морозу, сказал:

– А ты у нас, оказывается, турист? Иностранец?.. Из какой ты приехал страны?

Он произнес эти слова насмешливо. Он по-прежнему мною не восторгался.

Вот с того самого момента ко мне и приклеилось прозвище «Петька-иностранец»! А прозвища запоминаются даже лучше, чем имена, потому что они почти все разные: у каждого – свое. И сейчас иногда, встретив немолодого уже человека, с которым мы в ту давнюю пору вместе учились в школе, я замечаю, что он не может вспомнить моего имени, но зато сразу вспоминает прозвище: «Иностранец!..»

Я хочу рассказать о вечере того далекого дня, когда это мое уже известное вам прозвище прозвучало впервые.

Вернувшись домой, я поспешно набрал две двойки и попросил:

– Соедини меня, Снегурочка, с Дедом-Морозом.

– По какому вопросу?

- По очень важному!
- Может быть, я сама могу его разрешить?
- Нет, ты не сможешь.
- Соединяю.

Услышав в трубке голос своего покровителя, я быстробыстро заговорил:

– Дедушка, у меня есть одно предложение! Расколдуй всех моих приятелей: пусть они мною не восхищаются. И не хвалят меня... А вместо этого заколдуй одного только Валерика! Чтобы он уважал меня, и хвалил, и хотел со мною дружить, как прежде...

– О, как тяжело мне тебе отказывать! Но ты просишь о невозможном.

– Ведь ты же волшебник высшей квалификации!

– Да... так считают.

– И ты не можешь этого сделать?

– Нет.

– Почему же?!

– Может, когда-нибудь ты узнаешь об этом.

– Когда?

– Когда придет время.

– А когда придет это время?

– Когда пробьет час.

– А когда пробьет час?

– О, спроси меня о чем-нибудь другом. Задай мне любой вопрос.

– Хорошо. Я задам. Я спрошу!.. Зачем ребятам так нужно было попасть в зоопарк?

– Ты опять нашел вопрос, который не должен был находить, потому что я не имею права на него ответить.

Пойми: каникуляру не полагается знать о том, что происходит в школе.

– Ты второй раз сегодня отказываешь каникуляру, – воскликнул я.

– О, не терзай мое сердце! Мне так тяжело тебе отказывать! Но ведь я уже объяснял, что сказка имеет свои законы. И все-таки я отвечу тебе... Но без всяких подробностей. В самых общих чертах...

– Конечно! Конечно!.. Без всяких подробностей!

– И только в порядке исключения...

– Конечно! Конечно!

«И какая же это хорошая фраза: „в порядке исключения“, – подумал я. – С ее помощью можно делать все, чего делать не полагается!»

– Они готовятся ко дню открытия...

– Чего? – нетерпеливо перебил я.

– Кружка юнукров!

– Юнукров?.. А при чем здесь зоопарк?

– Больше я ничего не скажу. Никаких подробностей.

– Но, дедушка, может быть, ты ошибся? Наверно, кружок юнкоров? Юных корреспондентов?

– О, ты обижаешь меня: я никогда бы не посмел вводить в заблуждение каникуляра!

Вообще-то Дед-Мороз разговаривал как все обычные люди, но только часто употреблял восклицание «О!» Одна эта буква, поставленная вначале, придавала его фразам некоторую торжественность. И я, сам того не замечая, тоже стал иногда восклицать: «О, я пойду во двор! О, дайте мне вилку!..»

– О, дайте мне немного подумать! – сказал я маме и папе после телефонного разговора с Дедом-Морозом.

И ушел на улицу: мне хотелось побыть наедине со своими мыслями, разгадать, кто же такие эти юнукры.

«Юнукры? – размышлял я. – Может быть, это „юные украшатели“? Но что они украшают? Школьный двор? Или улицу? Ничего интересного! А может быть, „юные укрепители“? Но что они укрепляют? Дисциплину в школе? Тоже нашли занятие! А если ни то, ни другое? Кто может ответить мне, объяснить?.. Конечно, только Валерик: ведь он не подчиняется законам сказки. Он может, если захочет!»

Через несколько минут я был у Валерика:

– Дай слово, что ответишь мне на один вопрос!

– Прости, но я должен знать, на какой именно.

– Кто такие юнукры? Объясни! Ведь я же провел вас всех в зоопарк...

Я не договорил последнюю фразу, сообразив, что она не понравится Валерику.

– А тебе очень интересно узнать?

– О, просто до смерти интересно! – воскликнул я.

– Ну ладно... Ототри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха! Это юные укротители! Сокращенно получается: юнукры. Понимаешь?

– Понимаю... И чем же вы будете заниматься?

– Дрессировать, укрощать...

– Кого?

– Потом, когда закалим свою волю по-настоящему, может быть, даже и хищников.

– А зачем же ты интересовался в зоопарке кроликами, белыми мышами и ежами? Их ведь никто не дрессирует.

– А мы попробуем! И кроликов, и ежей, и белых мышей... Но, главным образом, кошек!

– Почему? – удивился я.

– Потому что многие хищники принадлежат к семейству кошачьих. Мы будем на кошках привыкать, тренироваться... Ты вообще-то, я надеюсь, знаешь, что отряд хищных делится на разные семейства? И семейство кошачьих как раз в этом отряде. А наша домашняя кошка, между прочим, произошла от дикой нубийской буланой кошки, потомки которой и сейчас живут в Африке.

– Это в учебнике зоологии написано?

– Да.

Валерик в последнее время часто произносил разные цитаты из учебников. Мне хотелось тоже пощеголять такими умными фразами, но я не мог: мама спрятала все мои учебники в шкаф и заперла их на ключ.

Так поступила мама, которая раньше считала, что каждая прочитанная книга, как и день, проведенный в школе, – «это крутая ступенька вверх».

– День открытия кружка станет у нас как бы традиционным днем юных укротителей, – продолжал Валерик. – И через год, и через два, и через три мы будем устраивать в этот день представления, сеансы дрессировки и парады юнукров. Каждый юный укротитель будет вести на поводке или нести на руках свое подшефное животное.

– На этих парадах представители семейства кошачьих сожрут всех ваших белых мышей, – сказал я.

– Мы установим мир и дружбу между животными! А ежи, кстати, тоже ловят мышей. И считаются очень полезными, – сообщил Валерик.

– Так в учебнике написано?

– А что?

– Я учебников не читаю.

– Это я знаю.

– А что там написано про семейство собачьих?

– Прости, но такого семейства не существует.

– Какая ужасная несправедливость! – воскликнул я. – Семейство кошачьих есть, а собачьих – нету.

– Зато есть семейство псовых!

– Ах, все-таки есть? Ну, тогда я спокоен!

– Про собак-то вообще много чего написано. Но у нас собак не хватает. Никто не хочет их отдавать: все-таки друзья человека! Я объясняю своим укротителям: «Вы же все равно и в кружке будете шефствовать над ними, воспитывать их». Говорят: родители не согласны. Мы даже решили дворняжек принимать...

– А меня примете? – тихо спросил я.

– Куда? В кружок? Просто не сможем.

– Та-ак... Значит, дворняжки для вас подходят, а я нет?

– Пойми: ты никак не можешь стать юнукром!

– Почему?

– У юнукров должна быть воля! И потом... мы будем дрессировать на научной основе. А ты учебников не читаешь.



– Та-ак... Понятно. Значит, я вам сегодня открыл вход в зоопарк, а вы для меня вход закрываете...

С этими словами я решительно направился к двери. Но когда я уже взялся за ручку, меня неожиданно осенила одна идея. И я повернулся к Валерику:

– Значит, породистых собак у вас не хватает?

– Нет.

– О, это прекрасно!..

## **В МЕНЯ ВЛЮБЛЯЕТСЯ РЕНАТА**

У нас в квартире были соседи. Соседей было трое: муж, жена и их любимица такса, по имени Рената.

Что касается меня, то я не был любимцем соседей. Они даже говорили, что хотят устроить обмен и уехать из нашей квартиры, потому что я – «ненормальный жилец» (опять – ненормальный!).

Соседям очень не нравилось, что я любил читать Валерику по телефону свои сочинения по литературе; что вообще мы с моим лучшим другом перезванивались каждые полчаса, хоть он жил всего-навсего этажом выше; что Валерик придумывал таинственные игры, по ходу которых мы бросали друг другу в почтовый ящик разные «вещественные условные знаки»: камни небольших размеров, ржавые гайки, старые шнурки от ботинок и металлические бильярдные шарики. Им не нравилось, что все наши самые важные советы и заседания проходили в ванной комнате. Им не нравилось, что, приходя ко мне, мои приятели оставляли следы от своих башмаков в коридоре на натертом паркете. И еще очень многое другое не нравилось нашим соседям.

А мне не нравилось, что ранним утром, и днем, и поздним вечером они в коридоре громко, приторными голосами беседовали со своей любимицей таксой:

– Не хочешь ли ты прогуляться, наша ласточка? Не нужно ли тебе куда-нибудь, наша милая? Не стесняйся, скажи нам правду – и мы выведем тебя на улицу, наша красавица!

У красавицы были такие короткие ножки, что казалось, брюхо вот-вот коснется земли, а обвислые уши напоминали больше увядшие листья, которые скоро должны были опасть на землю.

Иногда соседи обращались к своей Ренате не на «ты» и даже не на «вы», а как-то странно величали ее словом «мы».

– Мы еще не захотели отправиться к заборчику или к нашему любимому столбику? – вопрошали они на всю квартиру. – Мы сегодня не в духе? У нас сегодня грустное настроение?

Рената была молчалива. Но стоило ей хоть вполголоса тьявкнуть, как я тут же появлялся на пороге своей комнаты и заявлял:

– Людям, значит, нельзя разговаривать в коридоре, а собаке лаять можно? Надоел ваш таксомотор!

– Скажи, как ты относишься к Ренате, и я скажу, кто ты! – вслух переименовывала соседка известную русскую поговорку.

В один голос со своим супругом она восклицала:

– Не смей называть нашу таксу таксомотором! А ты, ласточка, его не слушай!

Соседи обожали рассказывать о родословной своей таксы и нередко заявляли мне:

– У ее родителей были три золотые медали! Посмотрим, получишь ли ты в десятом классе хоть одну серебряную!

Я и сам не был уверен, что смогу тягаться в этом смысле с родителями Ренаты, и потому ничего не возражал.

И вдруг сейчас породистые и знаменитые предки таксы, фотографии которых висели у соседей на стене, рядом с портретами их собственных родственников, – да, именно предки Ренаты должны были прийти мне на помощь. Я это понял, когда Валерик сообщил мне, что не хватает породистых собак и что в свой будущий зоопарк они будут принимать дворняжек без всякого конкурса.

Дома я подошел к телефону, набрал две двойки и сказал Снегурочке:

– Я хочу, чтоб меня полюбила Рената!

– Кто? Кто?..

– Меня очень развлечет... мне доставит огромное удовольствие, если такса Рената откажется от своих хозяев и будет признавать только меня одного.

Через пятнадцать минут после этого разговора мирная Рената тяпнула своего хозяина за палец. Когда к ней протянула руки хозяйка, она тяпнула и ее.

– Ты обозналась! – в ужасе закричала соседка. – Милая Рената! Приглядишься к нам повнимательней: это же мы, твои самые близкие люди...

Но такса рассвирепела и не желала вглядываться в лица моих соседей. Она рычала так грозно и непримиримо, что они с криками: «Она заболела! Ее кто-то укусил!» – ринулись в комнату и захлопнули за собой дверь.

Соседи привыкли сваливать все свои беды на меня, и я удивился, что они, прячась в комнате, не заявили, что это я укусил их собаку.

Я вышел в коридор и поманил таксу к себе. Она подбежала и стала ласково, покорно вилять своим куцым хвостом. В этот момент соседка выглянула в щелку и закричала своему мужу:

– Смотри, смотри, он околдовал нашу Ренату!

Если б она только знала, как точны были ее слова!

Короче говоря, через час я повел Ренату к ее любимому столбику. А еще через час выяснилось, что она принимает пищу только из моих рук. Я с удовольствием кормил ее своими призами и подарками, которые уже начинали мне немножко надоедать.

– Если бы она была бешеная, – через дверь объяснял я соседям, – она бы кусала всех. А вот посмотрите: она же меня не кусает. Значит, Рената просто разлюбила вас и полюбила меня! Ведь у людей так бывает? А собака – друг человека: значит, и с ней это может случиться.

За дверью раздались рыдания соседки. Мне даже стало ее жалко. Но я знал, что только при помощи Ренаты смогу проникнуть в кружок юнукров, участвовать в представлениях и парадах юных укротителей.

Ночь такса провела у меня под кроватью. Как ни заманивали ее соседи на старую лежанку, она твердо решила переменить квартиру.

На следующий день соседи привели к таксе своего знакомого ветеринара. Он осмотрел собаку и сказал:

– Мне бы такое здоровье!

– Но в чем же дело? – воскликнула соседка.

– У собаки тоже есть сердце, – ответил ветеринар. – Да, сердце, которому не прикажешь! Вы хотите, чтобы такса осталась в вашей квартире?

– Да, конечно... Разлука с ней была бы невыносима!

– Тогда уступите ее вашему юному соседу. Это единственный выход.

Рената стала моей!

Прежде всего я дал таксе новое имя. Юнукры называли мирных домашних животных грозными именами хищников: рыжих кошек – Львицами, пятнистых – Тигрицами. Я назвал свою таксу Рысью.

По десять раз в день выводил я таксу во двор, надеясь, что нас с ней увидит Валерик. Я подводил Рысь к ее любимому столбику, но она равнодушно отворачивалась от него, давая мне понять, что столько раз в день этот столбик ей вовсе не нужен. А Валерика во дворе не было: должно быть, он с утра до вечера готовился к своему знаменитому дню юнукров.

Тогда однажды я вывел таксу во двор совсем рано, в тот час, когда Валерик должен был бежать на уроки.

Рысь со всех ног помчалась к столбику (за ночь она успевала по нему соскучиться), а я стал дежурить возле подъезда, чтобы не пропустить Валерика. Наконец он появился... Хотя в запасе у меня было всего несколько минут (Валерик торопился в школу), я решил начать не с самого главного.

– Что это у тебя в руках? – спросил я. – Такое... свернутое в трубочку...

– Это плакаты для нашей будущей «комнаты смеха и страшных рассказов».

– Смеха и страшных рассказов?

– Ну да. Мы открываем ее специально для юнукров. Юный укротитель должен быть всегда веселым и храбрым! В этой комнате он иногда будет веселиться, а иногда страшные рассказы будут закалять его волю!

Я насторожился. Дело в том, что я очень любил смеяться. Я мог смеяться целыми часами, и иногда в самых неподходящих местах: например, на уроке или где-нибудь на сборе. И страшные истории Валерика «с продолжением» я тоже мог слушать до бесконечности. Поэтому я сказал:

– Но ведь мне тоже нужно закалить свою волю! Ты сам говорил об этом... Вы пустите меня туда, в эту комнату?

– Видишь ли, – начал объяснять Валерик своим как бы вечно извиняющимся голосом, который моя мама называла вежливым, интеллигентным и непохожим на мой. – Мне очень неудобно тебе отказывать... Но у нас будет не просто веселая комната. Там, на стенах, будут вывешены всякие плакаты. Как раз вот эти, которые у меня в руках...

– А что там написано?

– Ну, например: «Кто не работает, тот...»

– Не ест! – подхватил я быстро, точно отгадывая последнюю строчку в стихах дяди Гоши.

– Нет, у нас будет написано немного по-другому: «Кто не работает, тот не смеется!» И еще: «Смеется тот, кто...»

– Смеется последним! – снова перебил я Валерика.

– Опять не угадал. У нас будет написано так: «Смеется тот, кто не только смеется!» Понимаешь? Ну, в том смысле, что не только развлекается...

– Но ведь ты знаешь, что я умею смеяться громче, всех у нас в школе! И потом... моя воля очень нуждается в закалке. Я сам это чувствую!

– Этого еще мало!

«Ах, этого еще мало! – мысленно возмутился я. – Ну, сейчас ты поймешь, что я вам пригожусь! Что я не с голыми руками собираюсь вступить в юнукры!..»

– Этого еще мало!

«Ах, этого еще мало! – мысленно возмутился я. – Ну, сейчас ты поймешь, что я вам пригожусь! Что я не с голыми руками собираюсь вступить в юнукры!..»

– Рысь! Рысь, сюда! – крикнул я.

И такса послушно подскочила ко мне.

– Соседкину собаку прогуливаешь? – спросил Валерик.

– Нет, не соседкину, а свою! Теперь она моя.

– Довольно породистая...

– Довольно породистая! Да знаешь ли ты, что ее родители имели десять золотых медалей, пятнадцать серебряных и столько же бронзовых! Я уже не говорю о ее бабушке и дедушке!..

– Отдай ее нам, – сказал Валерик.

– Это невозможно: Рысь любит только меня. И просто сдохнет с тоски...

– Не умрет! А кто-нибудь из ребят будет ее воспитывать.

– Твой любимый Жорочка?

– Напрасно ты злишься: Жорка – хороший парень.

– А я плохой?

– Жорка – сильный и добрый.

– А я слабый и злой?

Валерик ничего не ответил.

– А я, значит, не могу воспитывать свою собственную таксу? Не имею права?

– Извини меня, Петя... Но ведь ты же не можешь ходить в школу. А кружок наш будет как раз при школе.

– Почему это я не могу?

– Потому что ты проходишь «курс лечения», а больные школу не посещают.

– Это вам учительница сказала? Она все перепутала!

В эту минуту из подъезда выскочил Мишка-будильник и громко сообщил:

– Восемь часов двадцать минут!

Они с Валериком побежали за ворота, на ту самую дорогу, по которой я и сегодня мог бы идти зажмурившись...

Из другого подъезда выскочил Жора, догнал их... И они побежали втроем.

Дед-Мороз аккуратно выполнял мою просьбу. Я понял, что смеяться мне теперь придется в одиночку. И в одиночку придется закалять свою волю. И, уж конечно, одному придется сидеть в темноте на служебном стуле подружки маминой юности.

Я вернулся домой. Снял трубку и набрал две двойки.

– Собака очень утомляет меня, – сказал я Снегурочке. – Просто даже отягощает... Пусть она вернется к своим хозяевам.

Словно предчувствуя разлуку, такса стала тереться о мою ногу.

– Рысь, брысь! – отогнал я ее.

– Что такое? – спросила Снегурочка.

– Это я собаке... Она наскучила мне!

– Все понятно. Заказ принят. Номер заказа тринадцать дробь семь. Больше никаких желаний не будет?

Я хотел что-нибудь попросить. Помолчал немного...

Но, так ничего и не придумав, спросил у Снегурочки:

– А почему у вас к каждому номеру прибавляется это самое «дробь семь»?

– Для пущей сказочности, – ответила Снегурочка.

– Для сказочности? – удивился я.

– Ну да. Разве ты не замечал, что семерка – одна из самых волшебных цифр? Почти все чудеса в сказках совершаются «за семью морями», «за семью замками», «за семью печатями», «в семь дней и семь ночей» или где-нибудь «на седьмом небе»!.. Значит, сегодня заказов на развлечения не будет?

– Нет. Что-то я немного устал...

## **ПИОНЕР-ПЕНСИОНЕР**

Я и правда устал, потому что в Стране Вечных Каникул был очень напряженный график развлечений.

Утром я выходил из дому, за углом садился все в тот же троллейбус, впереди и на боку которого было написано: «В ремонт!», и прибывал на нем в Докмераб. Там я пел «хором», ходил «хороводом», соревновался сам с собой, побеждал, забирал все призы, которые были у Деда-Мороза, получал жестяную подарочную коробку и уходил домой.

Конечно, я мог попросить Деда-Мороза изменить эту программу, но я по-прежнему боялся, что в другом представлении не будет соревнований, в которых я уже так привык побеждать. И что я не буду каждый день получать пряники, пастилу и шоколадные медали. Хотя от всего этого меня уже понемножку начинало тошнить.

Над столом у меня теперь вместо «Расписания уроков» висело «Расписание развлечений».

Согласно этому расписанию, которое каждый день менялось, я после Елки непременно должен был идти в цирк, или на дневной концерт, или на какую-нибудь выставку.

А сразу же после обеда я, по маминому приказу, отправлялся в кино.

Вечером, вернувшись с работы, мама высовывалась в окно и, если я был во дворе, требовательно звала меня слушать патефон. Иногда в окно высовывался и папа.

– Домо-ой! Пора смотреть диафильмы! – командовал он.

Да, кроме кинофильмов, я еще должен был дома в обязательном порядке смотреть диафильмы.

Раньше папа, который был за «беспощадное трудовое воспитание», требовал, чтобы я сам вешал на стену свой пододеяльник, предварительно, конечно, вынув из него одеяло, и чтобы сам возился с черным аппаратом, вставляя в него узкие ленты диафильмов. Теперь папа не разрешал мне вешать экран-пододеяльник и не позволял близко подходить к аппарату – он все делал сам, а я был только зрителем.

– Твое дело смотреть! – говорил папа. – Это тоже нелегкое занятие.

И правда, это было не очень легко, если учесть, что в нашем домашнем кинотеатре, как и на медицинской Елке, одна и та же программа повторялась каждый день. Мои приятели теперь поздно возвращались из школы: готовились ко дню юнукров.

Во дворе и в красном уголке я общался теперь, главным образом, с пенсионерами. Кстати, однажды, когда я заказал в «Столе заказов» в качестве очередного развлечения катание на поезде метро (ничего другого я уже просто не мог придумать!) и когда я спустился на эскалаторе вниз, дежурный по станции усадил меня в первый вагон под табличку: «Для пассажиров с детьми и инвалидов». Я долго упирался, отказывался, но он решительно настаивал: "Нет, нет, сиди, пожалуйста: здесь твое место! Видишь, написано: «Для инвалидов».

В красном уголке я играл с пенсионерами и инвалидами в их любимые «сидячие игры»: лото и домино. И еще я привык слушать разговоры о разных болезнях. Я теперь точно знал, от чего бывают спазмы сосудов, каковы признаки грудной жабы, склероза и язвы желудка. Вернувшись домой, я подробно ощупывал себя и находил признаки всех болезней, о которых слышал во дворе. Кажется, я старел... Нет, не вырослел (поскорее вырасти и стать взрослым было в те годы моей самой заветной мечтой!), а именно старел и дряхлел.

Однако не все мои новые друзья поддавались возрасту. Бывший спортсмен дядя Рома все время говорил о пользе физических упражнений. И однажды я решил с его помощью потренироваться в хоккейной игре: мне очень хотелось научиться защищать ворота и когда-нибудь взять реванш за свое первое позорное поражение.

Мы договорились, что я буду стоять в воротах, а дядя

Рома попытается клюшкой забивать мне голы. Помню, дядя Рома, который очень любил физические упражнения, размахнулся, ударил – я упал и не пропустил шайбу. Но в ту же минуту упал и дядя Рома... Ему стало нехорошо.

– Простите меня, дядя Рома, – пролепетал я.

– Ничего, ничего... Просто переоценил свои возможности, – сказал он. – Каждому возрасту – свои игры...

Вечером Валерик, встретив меня, спросил:

– Играешь в хоккей с пенсионерами?

– А что такого особенного? Достойные, всеми уважаемые люди... Пользуются заслуженным отдыхом!

– Они-то заслуженным!.. – сказал Валерик. И усмехнулся: – Эх ты, пионер-пенсионер!

Так приклеилось ко мне еще одно прозвище.

«Когда же, – думал я, – сбудется, наконец, предсказание Деда-Мороза, и я узнаю, почему Валерик не подвластен волшебной силе?..»

## **«ОПАСНАЯ ЗОНА» В ПОСЛЕДНЕМ РЯДУ**

Уже целые сутки я голодал... Я не мог больше питаться пряниками, пастилой и шоколадом.

Признаться в этом маме и папе я не хотел. Но когда они ушли на работу, я стал шарить в буфете и на кухне между оконными рамами, где мама обычно охлаждала продукты.

«Колдовство какое-то! – злился я. – Ничего нет... Нарочно едят в кафе и в столовой, чтобы я умер с голоду».

На моем столе, и в буфете, и на подоконниках лежали пакеты с призами и жестяные коробки с подарками, но я не мог даже смотреть на них. На улице я теперь всегда заранее, по запаху, угадывал приближение кондитерских магазинов и тут же переходил на другую сторону.

В полдень я попросил у соседки кусок обыкновенного черного хлеба.

Как я мечтал теперь о простом черном хлебе! Или о картошке с жареной колбасой!.. Или о том, чтобы посидеть просто вдвоем с Валериком и поговорить о наших общих делах, как это бывало раньше. Но общих дел у нас с ним уже почти не осталось...

Соседка черного хлеба не нашла.

– Хочешь пряников? – спросила она. – Или сладкого пирога?

Это было поразительно! Ведь наша соседка всегда утверждала, что для человеческого организма «пироги и пышки – это синяки и шишки». Соседка вообще любила по-своему переиначивать пословицы и поговорки. Она всегда учила свою Ренату: «На черный каравай пасть разевай!» И вдруг у нее не оказалось ни кусочка черного хлеба!..

В последнее время мои отношения с соседями резко изменились. Оба они официально заявили, что я стал наконец «нормальным жильцом».

И дело было не только в том, что я расколдовал и вернул им их любимую таксу. Моих соседей очень радовало, что я уже не читал Валерику по телефону свои сочинения, что вообще телефон отдыхал теперь от моих разговоров, что уже никто не бросал в почтовый ящик «вещественные условные знаки» и что никто из моих приятелей не оставлял в коридоре следов от своих ботинок. Соседей радовало мое одиночество...

В тот день я решил не идти на Елку за призами и подарками. А пошел прямо в кинотеатр «Юный друг».

У входа меня поджидала подруга маминой юности. Лицо у тети Даши было бледное и расстроенное.

– Что случилось? – спросил я.

– У меня неприятности по работе, – сообщила тетя Даша. – Из-за тебя никто не покупает билеты на места в последнем ряду. Получается недогруз зрительного зала!

– Из-за меня?

– Да, по всему району прошел слух, что у нас в последнем ряду «опасная зона».

– Но при чем же здесь я?

– Перестань подсказывать зрителям, кто там, на экране, будет жениться, а кто разводиться, кто куда уедет и кто кого убьет... Зачем же ты забегаешь вперед и рассказываешь им содержание? Чтобы меня уволили с работы?

В кинотеатре «Юный друг» фильмы шли примерно по неделе – таким образом, каждый из них я смотрел не меньше семи раз.

Однажды я обратился к Деду-Морозу с просьбой, чтобы кинокартины не повторялись.

– О, я рад был бы тебе пойти навстречу! – ответил он. – Но где же взять столько фильмов? Ты и так смотришь абсолютно все, на которые дети до шестнадцати лет допускаются...

– Тогда покажи мне то, на что дети не допускаются! – воскликнул я.

– О, этого я не могу... Я же дисциплинированный волшебник!

Дед-Мороз не выполнил моей просьбы, поэтому все, что происходило на экране, я выучивал почти наизусть и во время сеанса объяснял своим соседям, что будет дальше. Но, вместо того чтобы поблагодарить меня, они возмущались:

– Перестань шептать! Сидит на каком-то странном стуле, между рядами и еще шепчет. Надо позвать администратора!

Я ожесточился: «Почему это всем должно быть в кино интересно, а мне одному скучно и неинтересно? Нарочно буду подсказывать!...»

И вот места по бокам от служебного стула опустели... Получилось, что я не только езжу в персональном троллейбусе, но и сижу в персональном ряду! Тогда я начал рассказывать о предстоящих на экране событиях ребятам, которые сидели впереди меня.

И вот какая из всего этого получилась неприятность: подруга маминой юности могла потерять работу. Что стоило ей вообще выгнать меня со своего служебного стула? И больше никогда в жизни не пускать меня на этот особый стул? Казалось бы, ничего... Но Дед-Мороз не разрешал ей так поступить. Да, только Валерик оказался и дедморозоустойчивым! Но почему?

– Ты рассказывай мысленно, про себя, – робко советовала мне тетя Даша.

Я обещал.

В тот день впереди меня сидели какие-то мальчишки. А по обе стороны от служебного стула места опять пустовали: здесь была «опасная зона».

Когда начал медленно гаснуть свет, почти все мальчишки, сидевшие впереди, обернулись ко мне. И один из них предупредил:

– Попробуй только подскажи!

– Очень мне нужно! – ответил я.

В самый разгар картины, когда на экране враги напали на след героя, мальчишки стали перешептываться между собой: «Его поймут! Его найдут!...» И тут я не выдержал:

– Не бойтесь! Его не поймут. Он спрячется...

– Попробуй только выйди на улицу после сеанса! – ответили мне в темноте.

На всякий случай я не стал дожидаться конца сеанса.



– Ничего, мы тебя и завтра найдем! – прошипел мне вдогонку все тот же парень. Он знал, что я хожу в кино ежедневно.

«Скажу маме, что зрители меня травят!» – решил я. И без всякого сожаления навсегда распрощался со служебным стулом подруги маминой юности...

А в доме у нас в тот день происходило что-то необычайное. То и дело я слышал за дверью на лестнице топот ног. «Ишь ты, – думал я о Валерике, – сидит себе дома, как командир в штабе, а к нему бегут, топают ногами! Что у них там происходит?»

Время от времени на лестнице раздавалось мяуканье и собачий лай. Рената задвигала своими обвислыми ушами и вместе со мной стала напряженно прислушиваться.

Я чуть приоткрыл дверь и в щелочку стал наблюдать за ребятами. Что это они так торжествуют? Чему так радуются? Наверно, устроили конкурс животных: доя зоопарка отбирают!..

Увидев, что Мишка-будильник тащит на руках пятнистого щенка, я высунулся на лестницу:

– Леопарда несешь?

У Мишки была радостная и, я бы даже сказал, ликующая физиономия.

– Что это у вас... такое? – спросил я.

– Завтра открываем кружок юнукров! И «комнату смеха» тоже.

– А сегодня что? Генеральная репетиция?

– Да, готовимся.

– Очень уж много у вас беготни, – сказал я.

– Двадцать часов восемнадцать минут! – сообщил мне на прощание ликующий Мишка. И скрылся за поворотом лестницы.

А я бросился к телефону. «Сейчас выпрошу у Деда-Мороза... В порядке самого исключительного исключения!» – решил я. И набрал свои привычные двойки.

– «Стол заказов» сегодня закрыт: санитарный день! – ответил мне голос Снегурочки.

«Додумались! Устроили свой санитарный день как раз накануне такого дня! – со злостью думал я. – Чистюли какие! И что они там, интересно, моют? Дезинфицируют бороду Деда-Мороза?..»

На лестнице не прекращался топот моих приятелей.

«Ой, как здорово! Как потрясающе!..» – повизгивали девчонки.

"Подумаешь, телячьи восторги! Какой-то там кружок, «комната смеха и страшных рассказов»! Что такого особенного? – рассуждал я. – Чего они так ликуют? Придумали себе праздник и радуются. Я вот могу хоть каждый день ходить в настоящий театр, в настоящий цирк, могу хоть каждый день устраивать себе праздники... И то не радуюсь!

Не бегаю как угорелый по лестнице!"

Но когда сверху раздалось пение, я не выдержал и побежал туда, к Валерику...

На лестнице я на мгновение остановился, прислушался и разобрал припев:

Нас никому не застращать:

Зверей мы будем укрощать!

И воспитаем многих  
Друзей четвероногих!..

Когда в дверях показался Валерик, я сказал:

– Уж очень вы громко орете...

– Прости, но я думал, что звук резонирует кверху, то есть как бы уходит вверх...

– Это в учебнике написано?

– А что?

– А то, что ваш звук резонирует книзу...

– Прости, мы будем петь тише. У вас кто-нибудь спит?

Он хотел закрыть дверь, но я удержал его:

– Можно, я немножко попою вместе с вами? Знаешь, как я умею петь! Каждый день пою «хором»... Или, вернее сказать, за целый хор! И еще хожу «хороводом»...

– Мы разучиваем «Гимн юных укротителей». Его будут петь Завтра только юнукры!

– А я не могу прийти на это ваше открытие?.. Не могу?

Валерик задумался.

– Погоди. Кажется, есть выход.

– Какой?!

– Мы пригласим тебя экскурсантом.

– Я не хочу экскурсантом! Я хочу воспитывать какуюнибудь собаку... Или пусть даже белую мышь! И хочу смеяться в «комнате смеха»!

Валерик молчал.

– Ага, молчишь! И по телефону звонить перестал. И в почтовый ящик ничего не бросаешь...

– А что же ты сердисься? У тебя теперь свои дела, у меня – свои.

Но я-то хотел, чтобы дела у нас с ним всегда были общие! Я почему-то вспомнил, как Снегурочка однажды по телефону назвала нашу учительницу моей «бывшей учительницей». «Может быть, и Валерик становится моим бывшим лучшим другом?» – со страхом подумал я.

Я не хотел этого. Я любил Валерика. И решил удрать из Страны Вечных Каникул!

## **ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ – ДЕНЬ ЗАКРЫТИЯ**

Всю ночь я репетировал свой предстоящий разговор со «Столom заказов».

– Позвоню Снегурочке, – шептал я, с головой спрятавшись под одеяло, – и скажу ей: «Мне доставит огромное, просто самое большое удовольствие в мире, если вы отпустите меня из Страны Вечных Каникул! И пусть никто в школе не требует у меня оправдательных справок... Пусть никто не спрашивает, где я был эти полтора месяца!»

«Интересно, когда начинается рабочий день в „Столe заказов“? – размышлял я. – Наверно, как в продовольственных магазинах, в восемь утра!»

Ровно в восемь я был у телефона. Набрал две двойки, но вместо голоса Снегурочки услышал злые короткие гудки: занято! Я еще минут пять подряд крутил диск, но «Стол заказов» не освобождался. Занят! С кем же это, интересно узнать, Снегурочка разговаривает? Может быть, появился еще какой-нибудь каникуляр? Вот было бы хорошо! Тогда бы моего побега никто и не заметил. «А вернее всего, – решил я, – просто угадали волшебным путем, о чем я хочу попросить, и не хотят откликаться. Тогда я буду действовать сам, без помощи волшебной силы. А если она попытается мне мешать, я буду бороться!..»

Окрыленный таким смелым замыслом, я побежал собираться в школу. До начала уроков оставалось всего минут двадцать... Но как быть с учебниками и тетрадями? Ведь моя мама заперла их в шкафу!

– Зачем ты берешь портфель, Петр?! – строго спросила она.

– Так приказал Дед-Мороз, – не задумываясь, соврал я. – Он придумал какую-то новую игру: «А что у тебя в портфеле?» Мне нужны учебники и тетради...

– Ну, если это для игры, тогда хорошо, – сказала мама.

Она взяла ключ и отперла шкаф. Никогда еще – ни раньше, ни потом – не укладывал я книги и тетради в портфель так бережно и с такой любовью, как в то далекое утро...

– Так приказал Дед-Мороз, – не задумываясь, соврал я. – Он придумал какую-то новую игру: «А что у тебя в портфеле?» Мне нужны учебники и тетради...

– Ну, если это для игры, тогда хорошо, – сказала мама.

Она взяла ключ и отперла шкаф. Никогда еще – ни раньше, ни потом – не укладывал я книги и тетради в портфель так бережно и с такой любовью, как в то далекое утро...

– А почему ты так рано поднялся? – спросила мама.

– Сегодня очень уплотненный день, – ответил я словами, которые часто слышал от папы. – Я хочу успеть и в музей, и в Планетарий, и в цирк, и даже, может быть, на выставку мод.

– Молодец! – похвалила она. – Работяга!

Портфель распух, но он не казался мне в то утро тяжелым: я нес его так же легко и радостно, как носил раньше подарки с елочных праздников.

Идти в школу обычной дорогой я не решил: меня на перекрестке мог вновь окликнуть свистком милиционер, заколдованный Дедом-Морозом, и направить в сторону от школы – к троллейбусной остановке. Но я знал, как добраться до школы проходными дворами. И смело отправился в путь!

В утренних дворах было пусто. Только дворники сгребали снег в сугробы, словно все, соревнуясь друг с другом, лепили одни и те же белоснежные остроконечные башенки. А ледяные дорожки посыпали песком и солью.

«Зачем? – удивлялся я. – Ведь во дворах хозяйничают ребята, а они никогда не спотыкаются на ледяных дорожках, они так любят кататься по этим узким зеркальным островкам!»

И вот, наконец, я дошел до последних ворот, сквозь которые уже была видна наша школа... и на которых было написано: «Проход запрещен». Неужели специально для меня закрыли ворота?!

Где-то в углу двора одиноко приткнулась к стене автоматная будка, стекла которой заросли густым снежным мохом.

«А не набрать ли мне сейчас две двойки? – подумал я. – И потребовать, чтобы распахнулись ворота! Нет, пожалуй, не стоит. Лучше сам перелезу!» Я чувствовал, что в это утро «Стол заказов» работает против меня.

Лезть через ворога было очень трудно, потому что в руках у меня был портфель, туго набитый тетрадями и книжками. С одного валенка слетела галоша, и я понял, что это шутки Деда-Мороза. Вслед за галошей упал и валенок.

«Если даже вниз полетит и второй, – со злостью думал я, – прибегу в школу в одних носках. И просижу так в классе все пять уроков. До самого открытия кружка юнукров!» Но тут сзади раздался грубый голос:

– Русскому языку тебя, что ли, не учили? Читать не умеешь?

Русскому языку меня учили, хотя по этому предмету я никогда не имел больше тройки.

Обернувшись, я увидел усатого дворника в белом переднике.

– Я опаздываю в школу... Пустите! – умоляюще проговорил я, сидя на металлической перекладине ворот.

Но дворник, конечно, стал отвечать мне по шпаргалке Деда-Мороза. А может быть, это был сам Дед-Мороз, который оставил дома бороду и нацепил белый фартук.

– Если свалишься, кто отвечать будет?

– Если я свалюсь, так не к вам во двор... а на ту сторону. И ребята меня подберут.

– Брось валять дурака!

Отчаяние и решимость овладели мною. Я перебросил портфель через ворота, чтобы он не мешал мне. И полез дальше вверх, цепко хватаясь за металлические прутья, которые обжигали мои пальцы, вылезавшие наружу из дырявых перчаток.

Дворник хотел схватить меня, но руки у него были коротки или, вернее сказать, просто я залез уже слишком высоко. Добравшись до вершины, я приветливо помахал дворнику озябшей ногой, с которой слетел валенок, и стал спускаться вниз по другую сторону ворот. Я уже был совсем близок к цели, но дворник протянул свои ручищи в брезентовых рукавицах сквозь металлические прутья: он все еще надеялся помешать мне. Тогда я зажмурился и спрыгнул. Прыгал я с небольшой высоты и все же упал... Хотел вскочить, отряхнуться. Но кто-то склонился надо мной. «Неужели дворник перемахнул через ворота?» – подумал я. И в ту же минуту увидел над собой милиционера.

– Ушиблись, гражданин? – спросил он, почему-то обращаясь ко мне на «вы».

– Нет! Я побегу в школу...

– Ни в коем случае. Вы – пострадавший.

Наверно, Дед-Мороз заколдовал все наше отделение милиции!

– Вот нарушили порядок, полезли через ворота и пострадали.

– Мне совсем не больно.

– Не пререкайтесь! Сейчас приедет машина. И я вас отправлю.

– Куда? В отделение?

– Нет, на лечение, – не то в шутку, не то всерьез ответил он.

И тут же раздалась пронзительная, всегда сжимающая сердце сирена «скорой помощи». К нам подкатила машина с красными крестами на боках. Из кабины выскочила санитарка. Поверх шапки у нее был белый платок, тоже с красным крестом. Она склонилась над моей озябшей ногой:

– Бедный! Никак, обморозился!.. И ушибся?

Она осторожно натянула мне на ногу валенок, который подал ей дворник сквозь металлические прутья с той стороны ворот.

– Доставьте его в свое медицинское учреждение. Срочно! – сказал милиционер.

Они с санитаркой положили меня на носилки с колесиками и вкатили эти носилки внутрь машины. Санитарка уже не села к шоферу в кабину, а устроилась подле меня.

Вообще я очень любил, когда меня носили на носилках, как пострадавшего. Это бывало во время учебных воздушных тревог. Но ехать в настоящей карете «скорой помощи», в настоящее медицинское учреждение я не хотел.

– Портфельчик ваш? – спросил на прощание милиционер.

– Мой, – ответил я. Схватил портфель и прижал его к сердцу.

Машина дала пронзительный сигнал, и мы помчались.

– Тебе удобно? – спросила санитарка.

Голос ее показался мне очень знакомым. Я поднял глаза и увидел... кондукторшу из моего персонального троллейбуса. Да, да, это была она! Только без сумки с билетами, а с белой косынкой и красным крестом на голове.

– Вы-ы?.. – изумленно произнес я.

– Узнал, родимый?

– И кондукторша, и санитарка?..

– Что поделаешь: у нас в Стране Вечных Каникул было большое сокращение штатов. Теперь совмещаем профессии.

Сквозь маленькое окошко над головой я узнал затылок того самого водителя, который всегда крутил огромную баранку в кабине моего персонального троллейбуса. И он, значит, тоже обслуживал «скорую помощь» по совместительству.

Тем же самым ласковым голосом, каким она предлагала мне прогуливаться по троллейбусу с места на место, санитарка сказала:

– Может быть, неудобно лежать на спине? Можешь перевернуться на бок. Чувствуй себя как дома.

– А куда вы меня... сейчас? – спросил я тихо.

– В медицинское учреждение. Тебя там подлечат немного... Да вот и приехали!

Дверь распахнулась, и я увидел, что мы прибыли в... Докмераб.

– Но ведь это... – проговорил я.

– Дом медицинских работников, – перебила санитарка. – Медицинское учреждение! Здесь тебе окажут необходимую помощь.

Подбежал дядя Гоша. Они с санитаркой схватились за ручки носилок. И внесли меня в столицу Страны Вечных Каникул, словно какого-нибудь восточного владыку или повелителя.

Как только мы миновали входную дверь, дядя Гоша спросил:

– Ты хочешь, чтобы тебя теперь все время носили на руках... или, прости, на носилках? Если хочешь – пожалуйста!

– Нет! Не хочу. Ни в коем случае!

Я спрыгнул на пол.

– Желание каникуляра для нас – закон, – провозгласил дядя Гоша.

И санитарка с носилками тут же исчезла.

– Наконец-то ты прибыл, – сказал дядя Гоша, хотя час был очень ранний. – Дед-Мороз уже здесь и с нетерпением ждет тебя.

«Все ясно: узнал о моем неудавшемся побеге. И пусть знает. Я этого скрывать не буду!» С такими мыслями я переступил порог вестибюля.

Дед-Мороз курил возле гардероба.

– Видишь, нервничает! – шепотом объяснил дядя Гоша. – А ведь ему курить пожарная охрана запрещает, он весь огнеопасный – усы, борода!

Я еще никогда до той поры не видел курящих и нервничающих дедов-морозов. И поэтому изумленно остановился возле дверей.

А волшебник выбросил папиросу в урну и, забыв о своей обычной степенной неторопливости, прямо-таки бегом направился ко мне, задрав полы роскошной красной шубы, расшитой золотом и серебром.

– Ты здесь? Вот и прекрасно. Значит, можно начинать? «Идет к нам, дети, Новый год!»

Этими словами он каждый день начинал представление, хотя на дворе уже была середина февраля.

Я остановил Деда-Мороза:

– Не хочу больше встречать Новый год в феврале!

– Что? Что?! – изумился он. – А зачем этот портфель? Ты решил! Теперь носить призы и подарки в портфеле? Боюсь, они там помнутся. Принеси лучше завтра авоську.

– Завтра я сюда не приду...

– Не придешь?

– Выпишите меня, пожалуйста, из Страны Вечных Каникул!

Я протянул Деду-Морозу пригласительный билет с постоянной пропиской.

– Везде трудней прописаться, чем выписаться, – сказал Дед-Мороз. – А у нас, в Стране Вечных Каникул, наоборот: выписаться гораздо трудней.

– Почему? – испугался я. – Почему трудно меня выписать?

– А ты о нас подумал? Мы же все останемся без работы до следующих зимних каникул!

– Почему?

– Потому что придется закрыть Страну Вечных Каникул. Ты же у нас единственный каникуляр! Мы должны тебя беречь и лелеять!

– А эти зайцы, лисы, медведи? – спросил я.

– Развлекая тебя, все мы трудились. Значит, никто из нас не был каникуляром. Ты понимаешь?

– Да-а...

– Вот и выходит, что страну-то придется закрыть за неимением населения.

И правда, в каждой стране ведь должно же быть хоть какое-нибудь население. Ну хотя бы состоящее из одного человека! Я понимал это. И все же решительно произнес:

– И закрывайте ее! Кому она нужна? А ты, дедушка, вполне можешь уйти на пенсию. Как дядя Рома... И в дни зимних каникул работать... на общественных началах. Так многие пенсионеры делают. Я их теперь хорошо знаю. Подружился!

– А как поступить со Снегурочкой?

– Молодым везде у нас дорога! – воскликнул я.

– О, это верно, – задумчиво произнес Дед-Мороз. – Может быть, перевести ее на другую работу? До следующих зимних каникул... Куда-нибудь на Крайний Север. Или в Антарктиду!

– Зачем так далеко?

– Чтоб не растаяла... до следующих зимних каникул.

– Так вы меня отпускаете? – с надеждой спросил я.

– Сейчас напиши заявление: «Прошу выписать...» и так далее, – деловито сказал Дед-Мороз. – Я сбоку поставлю резолюцию. И пойдешь к Снегурочке: она у нас ведает вопросами прописки и выписки.

Я достал из портфеля новенькую тетрадку. Но мне жаль было вырывать из нее чистый лист. Тогда я вынул из середины розовую промокашку, написал на ней заявление чернильным карандашом и протянул Деду-Морозу. Он послунывил немного кончик моего карандаша и вывел в левом углу лиловую резолюцию: «Из каникуляров отчислить. Страну Вечных Каникул закрыть! Дед-Мороз».

– Отдай Снегурочке: она все оформит.

– Дедушка, – тихо сказал я, – у меня к тебе есть еще одна очень большая просьба...

– Ну, на прощание готов исполнить. О чем твоя просьба?

– Я ведь почти целую учебную четверть пропустил. Не можешь ли ты все знания за это время как-нибудь мне в голову... вложить, что ли?

Дед-Мороз обнял меня и накрыл своей бородой:

– Этого ни один, даже самый могущественный и квалифицированный волшебник сделать не сможет! Знания – без учения и труда? Нет, этого, милый, никто не сможет...

Я видел, что ему не хотелось отказывать мне в последней просьбе. Не хотелось, чтоб наше прощание было грустным. И он погладил меня рукавицей по голове:

– А вот сделать так, чтоб ребята в классе тебе помогли, это я могу...

– Не надо, не беспокойся, – ответил я.

Я был уверен, что Валерик поможет мне и так, без вмешательства волшебной силы. Я знал своего лучшего Друга...

– Ну что ж! Как хочешь, – сказал Дед-Мороз.

Он уже готов был уйти, но тут я вспомнил:

– А оправдательная справка? Меня же не пустят в школу. Раньше, если я пропускал занятия, мне давала справку мама. Или выписывал доктор.

– Снегурочка оформит, – сказал Дед-Мороз.

Я пошел к Снегурочке. Вернее, она сама катилась мне навстречу на серебристых роликах. Я протянул ей промокашку с резолюцией Деда-Мороза.

– А приглашенный билет? – спросила Снегурочка.

Я протянул ей билет. Снегурочка положила его на одну ладошку, накрыла другой, потом потеряла ладошку о ладошку и отдала мне. Но это уже был не билет, а справка о том, что я «в течение полутора месяцев проходил курс лечения в медицинском учреждении». Внизу стояла подпись: «Врач Елкина-Иголкина».

– Сегодня у нас день закрытия! – громко в рупор объявила Снегурочка. – Закрывается Страна Вечных Каникул, закрывается ее столица – Докмераб, закрывается «Стол заказов»!

Когда я вышел на улицу, дощечек со словом «Ремонт» у входа уже не было.

«На дне закрытия я сегодня уже побывал. Может быть, успею еще и на день открытия!» С этой мыслью я, «вылеченный» и «отремонтированный», помчался по тротуару, размахивая портфелем.

И вскоре очутился на той самой дороге, по которой я мог бы идти зажмурившись, если бы в моем городе по тротуарам не спешили пешеходы, по мостовой не мчались автомобили и троллейбусы и на каждом углу не подмигивали бы своими разноцветными глазами светофоры.

Сказки кончаются благополучно: одни свадьбой, другие пиром. И такими, к примеру, словами: «Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало...» По случаю своего возвращения из Страны Вечных Каникул я тоже закатил пир, если не на весь мир, то по крайней мере на весь двор. Тут-то и пригодились мне все призы и подарки, от которых (о, чудо!) меня как-то сразу вновь перестало тошнить.

Меда и пива не было, но были медовые пряники. И я там был, чай с пряниками пил. По усам ничего не текло, потому что усов у меня тогда еще не было, но в рот попало. И немало!..

## **ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ...**

Вчера в нашей квартире раздались три торопливых, словно догоняющих друг друга звонка. Я побежал открывать дверь так стремительно, как бегал, услышав эти звонки, раньше, много-много лет назад... Соседка изумленно протерла глаза: ей показалось на миг, что она вместе со мной вернулась в те далекие годы. На пороге стоял Валерик... Он приехал в наш город на несколько дней.

Валерик почти не изменился: был таким же маленьким и худеньким, как прежде, словно навсегда остался мальчишкой. Только на носу появились очки, и от этого, как сказала мама, «лицо его стало еще интеллигентнее».

Мама почему-то очень смущалась: то называла Валерика на «вы», то на «ты». А один раз даже назвала по имени-отчеству. Когда он закурил, она вскрикнула: «Ты куришь!» – как вскрикнула бы много лет назад, когда мы были школьниками...



Мы с Валериком подошли к окну и выглянули во двор, где было все то же футбольное поле и та же крокетная площадка.

Валерик неожиданно повернулся ко мне и голосом заклинателя произнес:

– Смотри на меня внимательно: в оба, глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха!

И я вдруг вспомнил, как однажды, в последний день каникул, сказал Валерику-гипнотизеру: «Ах, если бы эти каникулы никогда не кончались!»

Валерик тогда вот так же, как вчера, пристально взглянул на меня и голосом заклинателя произнес: «Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха! Вообразим, что твое желание сбылось! Что тогда будет? Все начнется с Дома культуры медицинских работников, куда ты сегодня идешь на Елку!..»

И он стал придумывать сказку – ведь я уже говорил вам, что он был сочинителем и фантазером. А я... Я в тот день провалился в Страну Вечных Каникул... Как проваливаются в сон. Как иногда погружаются в мечту, может быть, вздорную, но неотвязную.

Наверно, Валерик и правда был немножко гипнотизером: я поверил, что все, о чем он рассказывал мне, случилось на самом деле. Я так твердо в это поверил, что даже сумел сейчас, через много лет, пересказать вам эту историю от своего имени, кое-что, конечно, изменяя и добавляя на ходу.

Рассказывая, я вновь переживал свое детство... И вновь удивлялся, почему Валерик был не подвластен волшебству. Хотя, в общем-то, ясно почему: сказка сама была подвластна ему, его выдумке и фантазии – ведь это он сочинил ее... Впрочем, не все в этой сказке выдумка. Нет, не все...

Кружок юных укротителей у нас был. И Дом культуры медицинских работников тоже был. И Елка там была. Это я точно помню.